

В 19

И. ВАСИЛЕНКО

Часы Меридие

И. ВАСИЛЕНКО

Часы Меридиане

ПОВЕСТЬ
О
НАХОДЧИВОМ СТУДЕНТЕ
ЯКОВЕ КОПНИГОРА,
ЕГО ДРУЗЬЯХ
И
ЛЕГКОВЕРНОЙ ТЕТУШКЕ

ВСЕСОЮЗНОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРУДРЕЗЕРВИЗДАТ
МОСКВА 1957

Обложка АГУТИНСКОГО Е. К.

Рисунки Б. К. ВИНОКУРОВА

Я ЕДУ В ТАГАНРОГ

Весть о том, что наш пединститут переводят из Новочеркасска в Таганрог, вызвала во мне столкновение двух чувств — радости и огорчения. Это, конечно, всеми было замечено. Я слышал, как девушки судачили в коридоре института:

«Кто печалится, а Яша Копнигора козлом скачет. Еще бы! Ведь в Таганроге его друг учится», — говорила одна. А другая ей возражала:

«Кто-о? Яша? Да я его только что на лестнице встретила. Вид у него прямо-таки вирус-

ногриппозный! Еще бы, ведь здесь остается его...

И, конечно, на весь коридор объявила, кто именно остается. Впрочем, что ж здесь скрывать? Да, остается сестра моего друга Геннадия Златогорского, студентка второго курса Политехнического института. Вот и все. Дина очень миловидна... Есть что-то свое, особенное в складе ее смугловатого лица с небольшим тонким носом, чуть впалыми щеками и черными ясными глазами. Эти глаза смотрят прямо и смело, но иногда она их слепка прикрывает, и тогда взор ее становится печален и нежен. Сложена она грациозно...

Конечно, если она прочтет это описание, то с возмущением крикнет: «Яшка, опять содрал! Ведь так Тургенев описывал Асю. Плагиатор несчастный! Перешел на второй курс, а списывает, как семиклассник!»

Не скрою, это описание почти дословно взято из повести Тургенева «Ася». Но, во-первых, о нашей Дине только и можно говорить тургеневским языком, а во-вторых, я не виноват, что она похожа на Асю.

Но я, кажется, отвлекся.

Итак, я отправился в Таганрог с противоречивыми чувствами. От Новочеркасска до Ростова меня одолевала тоска по... ну, понятно, по ком. Зато на пути от Ростова до Таганрога верх взяла радость по поводу предстоящей встречи с Геннадием. К станции Синявская, которая расположена на полпути между Ростовом и Таганрогом, я подъехал уже с легким сердцем и решил выйти погулять из набитого до отказа вагона.

На платформе былолюдно и оживленно. В воздухе плыл целый хор выкриков: «Ра-ки!.. Ра-ки!.. Ра-ки!..» Их, живых и вареных, носили вдоль поезда на блюдах, в ведрах, в мешках. Говорят, во всей стране меньше раков, чем в одной Синявке. Я купил десять штук. Когда я их брал из ведра, то старался захватить покрупнее. Если попадался маленький, я бросал его обратно в ведро, говоря: «А, черт, кусается!» Дивчина, продававшая раков, тоненько смеялась и с восхищением повторяла: «Ну и хитрый же хлопец!.. Хоть кого обдурит!..» Но когда, расплачиваясь, я дал ей трехрублевую бумажку, она положила ее в ведро и пошла.

— Куда? — крикнул я. — А сдачи?..

Она повернулась и, лукаво прищурив голубые глазки, крикнула:

— А сдачи вам ваши раки дадут!..

Паровоз свистнул, и мы поехали дальше.

Не прошло и четверти часа, как показалось море. Кто-то из ребят разочарованно протянул:

— Э, да оно не синее!

Одна из пассажирок, седая женщина в пенсне, укоризненно покачала головой:

— Что ж, что не синее! Оно лучше синего. Наше море скромное, застенчивое. Посмотрите, какой у него блекло-голубой цвет. А эти глинистые берега! Они не желтые, не красные, а какого-то переходного оттенка, так гармонирующего с цветом воды. Конечно, такую красоту не сразу увидишь, в нее надо всмотреться. Душой воспринять. Недаром же в прошлом веке в Таганрог так часто приезжали

итальянские художники в поисках вот этих, еле уловимых оттенков.

— Слышишь, Петя, душой надо, а ты фотоаппарат выставил, — сказал я однокурснику, который снимал для стенной газеты все, что попадалось в пути.

Ребята засмеялись. И седая женщина тоже. Она немного помолчала и опять заговорила:

— Мне кажется, и Чехов не был бы таким тонким, таким ажурным художником слова, если б в детстве и юности не видел всегда перед собой этого моря. Азовское море и донецкая степь, наверно, сыграли немалую роль в том, что Чехов не терпел ничего кричащего ни в искусстве, ни в жизни и сам был очень скромным человеком.

— Нашему Яше Копнигору полезно у этого моря пожить, — заметил фотолюбитель мне в отместку.

Седую женщину слушали не только мы, студенты, но и какая-то пражданка с желтым морщинистым лицом и тусклыми, явно крашеными волосами. Она слащаво улыбнулась и спросила:

— Вы, вероятно, давно живете в Таганроге?

— Я здесь родилась и здесь умру, — с гордостью сказала седая женщина. — Таганрог я не променяю ни на один город в мире.

— Как это приятно слышать! — замурлыкала крашеная. — Такой патриотизм!.. А я тоже в Таганрог еду, и мне так хочется узнать о нем поподробнее. Колорит, детали — это так меня интересует в каждом новом городе!

Между женщинами завязалась беседа, а мы принялись ожесточенно спорить, что главное в стиле Чехова — ажурность и тонкость или меткость и скульптурность.

— Нюансы чувств!.. Еле уловимые душевные движения!.. — кричали девушки.

— Резец!.. Резец!.. — перекрывали ребята их голоса. — Каждая фраза — в трех измерениях! Не фраза, а стереофраза!..

— Смотрите, смотрите! — с аппаратом протискивался к окну Петя Саврасов. — Вон уже трубы видны.

Действительно, слева от поезда поднимался к небу целый лес заводских труб. Из одних дым валил черный, из других ядовито-желтый, из третьих белый, как густой пар. Сверкали под солнцем стеклянные крыши заводских корпусов. А перед ними до самого полотна железной дороги раскинулась бахча, на которой золотились спелые дыни и прятались под желтеющими уже листьями рябые арбузы.

Кто-то затыкнул:

В Таганроге, в Таганроге
Да случилась беда:
Там убили, там убили
Молодого казака...

Петя сказал:

— Возвращайся, Яша: и тебя убьют.

— За что?! — возмутился я.

— За плагиат. Ты ведь не выдержишь и что-нибудь спишешь у Чехова, а в Таганроге всего Чехова знают наизусть: сразу разоблачат.

— Поздно, — сказал я, — мы уже въезжаем.

Да, мы не подъезжали к Таганрогу, а въезжали в него: дело в том, что Таганрог расположен на мысу и окружен с трех сторон морем. Поезд уперся в двухэтажное здание вокзала. Теперь, чтобы ехать дальше, поезд надо вытаскивать за хвост.

На перроне встречающих почти не было. Но за его деревянными перилами стояла толпа. Машут руками, кричат: «Миша!.. Миша!.. Да куда ты смотришь! Я здесь!..» «Николай, заворачивай в буфет — есть пиво холодное!..» Геннадий тоже в толпе. Он вытягивает шею и вертит головой. Завидя меня, он перемахивает через перила и бросается навстречу. Руки у меня заняты чемоданом и постелью. Этим пользуется рак: выползает из кармана и шлепается на перрон. Некоторое время он лежит, притворяясьдохлым, но, смекнув, что тут его раздавят, делает попытку отползти в сторону. Маленькая девочка в страхе визжит: «Мама, крокоди-ил!». Геннадий хватает рака, и мы выходим на привокзальную площадь.

ЗНАКОМСТВО С ТЕТУШКОЙ

— Пойдем пешком, — сказал Геннадий, — я тебе покажу Таганрог.

Мы пропустили переполненный трамвай и направились в город.

Геннадий, спибаясь под тяжестью моего чемодана, добросовестно объяснял:

— Это вот Дворец культуры комбайнового завода. Это универмаг. Это парк культуры и отдыха.

Я поднял глаза кверху и спросил:

— А это, Геннадий, кажется, небо?

Пока мы шли, я успел заметить следующее. Во-первых, воздух чистый и свежий. Во-вторых, много зелени, некоторые улицы даже напоминают аллеи в парке. В-третьих, довольно часто можно увидеть новые дома; их сразу замечаешь в цепи одноэтажных и полутораэтажных особняков.

Но больше всего порадовал меня вид кремowego с белыми колоннами здания, у парадного входа которого красовалась вывеска: «Факультет языка и литературы». В красивом здании и учиться приятнее.

Однако я все отвлекаюсь от того главного, о чем хотел здесь рассказать.

— Где же мы сварим раков? — сказал Геннадий, когда мы, оставив вещи в институте, опять вышли на улицу. — Разве зайдём в столовую?

Поколесившись, я спросил:

— Далеко отсюда улица Чехова?

— Совсем близко.

— Ну так веди на улицу Чехова: там у меня тетя живет. Кстати, передам ей письмо и привет от матери.

Через несколько минут мы уже продирались сквозь заросли крыжовника и сирени к маленькому флигельку, который стоял в глубине двора.

На наш стук долго никто не выходил. На-

конец дверь чуть-чуть приоткрылась, и в щель высунулся тонкий с горбинкой нос.

— Вам кого? — спросил нос.

— Наталью Сергеевну Чернобаеву, — ответил я. — Здесь она живет?

— А вы кто? — уклонился от ответа нос.

— Я ее племянник, Яков Копнитора.

Звякнула дверная цепочка, и дверь раскрылась. На пороге стояла высокая, очень худая женщина, смуглая, с прядью седых волос в пышной прическе и с живыми черными глазами.

— Яшенька, да как же я тебя сразу не узнала! — вскрикнула она.

— А вы меня разве видели? — спросил я, целуя, как наказывала мне мама, тетину смуглую руку.

— Ох, да я ж тебя на руках носила, когда тебе и двух годиков не было! — сказала она, в свою очередь целуя меня в голову.

— Он подрос, — объяснил Геннадий.

Но тут тетя сделала шаг назад, оглядела меня с ног до головы и строго спросила:

— А паспорт у вас, молодой человек, есть?

Я полез было в карман за письмом, но тетино лицо так все и засветилось опять. И потом я уже часто замечал, с какой быстротой менялось это подвижное лицо.

— Ах, да зачем же паспорт, когда вот они, Манечкины губы! И нос, и подбородок!.. Ну, входите, входите!.. А это кто? Товарищ, наверно? Тоже из Новочеркасска?

— Тоже. Только он в Таганроге уже давно живет: он студент радиотехнического института, Геннадий Златогорский, брат... гм... брат... — запнулся я.

— Брат своей сестры, — объяснил Геннадий.

Через переднюю мы прошли в гостиную, которая мне показалась одновременно и большой и маленькой: большой потому, что в ней разместилось множество вещей, а маленькой потому, что из-за этих вещей нигде было повернуться. Тут стояли: черное, тускло поблескивающее пианино с золоченой надписью «Шредер», плюшевые диван и кресла, круглый стол, накрытый бархатной фиолетовой скатертью, огромная керосиновая лампа на металлической подставке выше человеческого роста, шкаф из красного дерева, весь набитый книгами, кушетка, бархатные пуфики, часы в футляре от пола до потолка с огромным маятником, сверкавшим на солнце, тростниковая клетка с зеленым попугаем... Всего перечесать

невозможно. А на полу, рядом с восточным ковром, растянулась тигровая шкура.

— Ну, садитесь, садитесь, — приглашала тетя Наташа, — вот сюда, на эти пуфики, а я против вас сяду, на козетку, на свою любимую козетку. Садитесь и рассказывайте. Ах, я так рада! Ну, рассказывайте же, рассказывайте!..

Когда все расселись, Геннадий сказал:

— Мы, собственно, насчет раков...

У тети вытянулось лицо:

— Ка... каких раков? — спросила она заикнувшись.

Я поспешил Геннадию на помощь и объяснил, какой мы принесли ей подарок. После этого мы стали выкладывать шевелящихся пленников из карманов на скатерть. Увидя их, попугай закатил глаза, будто собирался упасть в обморок, и крикнул:

— Брррому!..

Впоследствии я узнал, что раньше он жил у какого-то доктора и там выучился медицинскому языку.

Тетя вскочила с козетки и засуетилась.

— Скандал!.. — восклицала она. — Мальчики с дороги, голодные, а я их разговорами кормлю. Сейчас, сейчас!.. Сейчас будем кофе пить!..

Собрав раков в передник, она ушла в соседнюю комнату.

— Баронесса? — спросил Геннадий, нагнувшись и заглядывая тигру в пасть.

— Какая там баронесса! — обиделся я за тетю и за весь свой род. — Переводчица. Те-

перь на пенсии. А муж ее был геолог. Эту шкуру он, наверно, из Уссурийского края вывез.

Унесла тетя бурых раков, а вернулась с красными. Кроме них, на подносе расположились причудливой формы тарелочки с икрой, сыром и маслинами, а посередине возвышался серебряный кофейник в виде пузатого Будды.

Заметив на шее восточного бога кем-то выцарапанный дворянский герб, Геннадий подмигнул мне и, улучив момент, шепнул:

— А говоришь, не баронесса. Ну графиня, когда так.

Как ни тихо сказал он это, тетя услышала и рассмеялась. Вволю насмеявшись, она вытерла шелковым с бахромой платочком глаза и сказала:

— Милый мой, я такая же графиня, как вы принц. Просто я люблю редкие вещи, вещи-уникумы, как говорят. Этот кофейник я купила в комиссионном магазине. Но есть у меня кое-что и поинтересней. Вот подождите. — Она поднялась с козетки и направилась к двери, но тут же вернулась и испытующе оглядела Геннадия и меня. — Вам можно доверять? Вы никому не скажете?

— Могила!.. — поднял я руку вверх.

— Могила!.. — повторил Геннадий.

— Гм... Странная клятва, — удивилась тетя. — Однако я принимаю ее как торжественное обещание хранить тайну свято. Подождите, я сейчас... — и она вышла в другую комнату.

Оттуда послышались протяжные звуки, будто лопнула туго натянутая струна. Так дребезжал у нас в доме замок старинного сундука, когда мама открывала его большим заржавленным ключом.

Наконец тетя вернулась. На ладони у нее лежал хрустальный шарик величиной с куриное яйцо. В другой руке она держала лупу, какую пользуются часовщики.

— Вот, — сказала тетя, — смотрите по очереди.

Тут мы с Геннадием словно забыли о том, что мы уже студенты второго курса: как первоклассники, разинув рот, мы разглядывали чудо-хрусталик, с нетерпением вырывая друг

у друга лупу в черном ободке. В хрусталь был вправлен весь земной шар — с материками и океанами, с лесами и пустынями, с огромными городами и заброшенными в снегах деревеньками... Да что города и деревеньки! Что леса и реки! Мы видели нью-йоркские небоскребы и киргизские юрты, явственно различали гигантские эвкалипты и наши, веселящие душу березы, степного беркута и миниатюрную колибри, мы видели медведя в берлоге, белку на сосне, дятла на стволе дуба.

— Воробей!.. — кричал я. — Самый настоящий воробей!..

— Пчела!.. — вскрикивал Геннадий. — Вот, вот, на розе сидит!

— Пи-ра-мидон! — орал попугай, перепуганный нашими криками.

Когда мы вдоволь насмотрелись, Геннадий спросил:

— А что у вас еще есть?

Тетя комически развела руками:

— Так ему все и покажи! Ничего больше у меня нет. Я бедная вдова и, кроме земного шара, ничем не владею. Давайте-ка лучше кофе пить.

Когда мы наконец вышли из флигелька, Геннадий сказал:

— Нет, тетя у тебя занятная. Только зачем она нас кофе поила? К ракам пиво надо. А эти вот... маслины... Какая-то горько-соленая чепуха... Если б мне дали такое в столовой, я б жалобную книгу потребовал. — Он подумал и недоуменно спросил: — И почему она запретила рассказывать об этом хрустальном шарике? Может, он краденый?

— Геннадий! — возмутился я. — То моя тетушка графиня, то воровка!.. Просто она жуликов боится и попросила не болтать.

— Что ж, может и так, — согласился мой приятель. — Жулики на такие редкости падки.

КРАСНЫЙ ШКАФ

Прошло недели две. За это время я часто бывал у тетушки, и с каждым разом она встречала меня все радушнее. Хотя занятия в институте шли уже полным ходом, я выкраивал все же время, чтобы знакомиться с городом. И, надо сказать, тетушка помогала мне в этом с большим усердием. Она, как и седая женщина, с которой мы ехали в одном вагоне, была влюблена в свой родной город. Как-то она повела меня на одну из приморских улиц и показала длинное здание старинной постройки. Объяснив, что здесь, в доме градоначальника, некогда останавливался проездом на Кавказ сам Александр Сергеевич Пушкин и что в этом же доме умер император Александр I, она сказала: «Не в каждом городе умирали цари».

В другой раз, показывая мне порт, она с не меньшей гордостью сообщила, что здесь побывал Джузеппе Гарибальди и в этом месте он дал клятву освободить Италию от австрийского владычества. Говорила она и про других знаменитых земляков, про «самого» Николая Федоровича Щербину, автора сборника «Греческие стихотворения», про Георгия Яковлевича Седова, неустрашимого мореплавателя и исследователя Арктики. «Сколько бы

там одесситы ни хвастались своей Каменной лестницей, — с задором заключила тетя один из своих рассказов, — а наша Каменная лестница с ее ста пятьюдесятью пятью ступеньками, ведущими прямо к морю, несравненно уютней и милей одесской».

На мое замечание, что и таганрожцы любят похвастать, тетя сначала обидчиво поджала губы, но потом рассмеялась и рассказала мне следующий случай.

Жил в Таганроге бедный жестянщик по имени Елизар Аснес. Чинил он старые ведра, делал совки для бакалейных лавок и терки для хозяек. И, между прочим, смастерил из жести и парусины незамысловатую штуковину, чтоб горожане могли раздувать свои самовары не голенищем сапога, а специальной машиной. Ну и пошла по Таганрогу про Аснеса молва: «Изобретатель! Эдисон!» И, раздувая свои самовары этой машиной, хвастливые таганрожцы до того раздули Аснесову славу, что дошла она до Петербурга.

Приезжает из столицы корреспондент большой газеты и спрашивает у мальчишек: «Есть у вас изобретатель Аснес?» — «А ка-ак же!» — ответили мальчишки. «Что ж он сейчас изобретает?» — «Коньки, дяденька». — «Какие коньки?» — «А вот нацепите их, дяденька, и тут же в Петербурге очутитесь». Потом спросил корреспондент хозяек: «Ну-ка ответьте, есть у вас изобретатель Аснес?» — «А ка-ак же!» — ответили и хозяйки. «Что ж он сейчас мастерит?» — «Гладилку. Положишь в нее грязную рубаху, а вынешь с другого конца постиранную, накрахмаленную и выутю-

женную». Спросил купцов. А те свое: дескать, мастерит сундук, который только хозяину открывается.

Пошел корреспондент к Аснесу. Тот сидел в своей ветхой будке, вставлял новое дно в худой чайник. «Так и так, — сказал корреспондент, — приехал к вам из самого Петербурга, чтоб на всю Россию расписать в газете, какие вы готовите цивилизованному миру новые изобретения». — «Слушайте, — взмолился Аснес, — за ради бога прошу вас, напишите вы в своей газете, пусть бедного жестянщика оставят в покое. Не могу на улице показаться, чтоб не спросили меня, когда полечу на луну в своем чудо-корыте... Ну какой я Эдисон! И на что мне та луна! Что мне, жить надоело?» — «Да-а, — разочарованно протянул газетчик, — видно тут вышла ошибка: мне надо было ехать к Аснесу в Одессу, а я к таганрогскому Аснесу завернул». — «Что-о?.. В Одессу? — вскочил со своей скамеечки Аснес. — Ну и езжайте себе туда без пересадки! И скажите там вашему одесскому Аснесу, пусть он не рыпается: все равно на луну я прилечу первый!»

Говорить о прошлом Таганрога тетя Наташа могла бесконечно. Но особенно охотно вспоминала она свои гимназические годы и своих подруг по пимназии. Выходило так, что самые красивые на земном шаре девушки жили в Таганроге. Такой, например, была «сказка Таганрога» Аня Самойленко с теплыми карими глазами и ореолом целомудрия на прекрасном челе. Или три сестры Матусовские — Люба, Миля и Таня — все разные, но все обаятельные. В доказательство тетушка вынимала

из сундука старинный альбом с фотографиями всех восьми классов гимназии, литографированный в Париже каким-то «Генеральным агентством русско-французских дел», и с печальной улыбкой перелистывала его. Ничего, девушки были подходящие. Но, на мой взгляд, наши, нынешние, им не уступят.

Иногда тетушка таинственно шептала мне:

— Сейчас я тебе что-то покажу. Только ты...

— Могила!..

— Вот-вот, — кивала тетушка. — Никому, ни одному человеку в мире!

И шла в соседнюю комнату к своему сундуку за какой-нибудь диковинкой.

Вещицы были любопытные, но я никак не мог понять, зачем их держать в сундуке, пряча от человеческих глаз. Еще Горький говорил: «Делай вещи как можно лучше, они будут более прочны, избавят тебя от затраты лишнего труда, но — не сотвори себе кумира из сапога, стула или книги...» Однажды я так тетушке и сказал. Она вся поникла, погасла. Потом вздохнула и говорит:

— Знаю сама, что это очень эгоистично — одной любоваться чудом человеческих рук. И давно уже подумываю, не пора ли сдать свои сокровища в наш краеведческий музей: ведь эти вещи привозили сюда из всех стран мира итальянцы и преки, наша бывшая таганрогская знать. Но все никак не решусь: жалко!.. — закончила она с такой трогательной непосредственностью, что я невольно ответил:

— Ну и держите их пока при себе, а там видно будет.

От этих слов тетушка сразу повеселела и уже бодрым голосом добавила:

— Да это что — игрушки, а вот где подлинные сокровища.

И кивнула в сторону книжного шкафа.

Меня давно разбирало любопытство, что за книги хранились под замком в этом шкафу красного дерева, и я спросил:

— А мне можно посмотреть?

— Посмотри, — сказала тетушка. — Тебе как филологу можно.

Я подошел к шкафу и принялся вынимать и рассматривать одну книгу за другой. Здесь я нашел старинный рыцарский роман в переплете с тиснением и бронзовыми застешками, изящный томик стихотворений Эвариста Парни, изданных в Париже полтора столетия назад, еще при Наполеоне, роман певца обездоленных Шарля Луи Филиппа «Шарль Бланшар»... Какое богатство для любителя французской литературы! Три полки редких книг на французском языке! Но это не все. На верхних полках стояли толстенные фолианты, переплетенные в кожу. Раскрыв один из них, я увидел на пожелтевших листах незнакомые буквы причудливых очертаний. Да ведь это арабский шрифт! А вот «Словарь к арабской хрестоматии и Корану», изданный в Казани в 1881 году; вот и полный англо-арабский словарь...

— Тетя, зачем это вам? — удивился я.

— Как зачем? Разве тебе мама не говорила, что я по-арабски и по-французски читаю так же, как ты по-русски? Это моя специальность. Я даже кое-что перевела из гениального

слепца Абу-ль ала аль-Маарри. К сожалению, я не могла этим всерьез заняться. Иван Семенович, мой покойный муж, часто прихварывал, и я отдавала уходу за ним все свое время. А теперь... — она умолкла и некоторое время сидела не шевелясь, с полуприкрытыми глазами, будто прислушивалась к своим мыслям. — Да, теперь у меня одна мечта, одна цель в жизни... Но осуществить ее мне, как видно, не суждено...

Она задумалась. В ее темных глазах появилось такое выражение, будто она ничего перед собой не видела.

Невольно понижая голос до шепота, я спросил:

— Какая мечта, тетя Наташа, какая цель?

— Что? — оторвалась она от своих, видимо, печальных размышлений. — Видишь ли, я хотела бы перевести на египетский язык «Молодую гвардию» Фадеева. Это был бы мой скромный подарок героическому народу. Пусть бы египетские юноши и девушки узнали, как наша молодежь защищала свою Родину.

— Так в чем же дело, тетушка! — воскликнул я. — Садитесь и пишите!

Тетя рассмеялась.

— Не так это просто, — сказала она. — Я знаю арабский литературный язык. Он понятен во всех арабских странах. Может быть, на арабский литературный язык «Молодая гвардия» уже и переведена. Но чтобы сделать перевод живым и близким массам, надо знать и народный разговорный язык. Вот этого мне и не хватает. Ведь каждая арабская страна имеет свой диалект. Например, в диалекте Сирии есть элементы арамейского языка, в египетском диалекте много коптских слов. Короче, переводчику надо бы хоть с полгода пожить в Египте.

— Так в чем же дело, тетя! — опять воскликнул я. — Садитесь на теплоход и езжайте!.. Если хотите, я вас до самого Каира провожу.

— А на какие деньги?

— Ездят же наши писатели за границу. Вам тоже устроят эту... как ее?... творческую командировку.

— Нет, милый мой, это неосуществимо, — вздохнула тетушка. — Какая я писательница!.. Да я и не решусь ехать за государственный

или общественный счет. А вдруг я не справлюсь с задачей! Меня совесть загрызет. Другое дело — поехать на свои деньги, но... их у меня нет.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ТЫСЯЧ

Несколько дней я не навещал тетю Наташу — просто некогда было: хотя мы словесники, но нас как будущих учителей тоже «политехнизируют», и мы вместе с физматчиками ходили на завод «Красный котельщик». Вот завод! Было что посмотреть.

В тот вечер я сидел в читальной комнате общежития, углубившись в «93-й год» Виктора Гюго. Вдруг открывается дверь и меня зовут: — Копнигора, к телефону!

«Кто бы это мог быть? — подумал я. — Геннадий, что ли?» И очень встревожился, услышав в трубке взволнованный голос тети:

— Яша, приди, пожалуйста, ко мне... Только сейчас же, слышишь?..

— Тетя, что-нибудь случилось? — спросил я.

— Да, случилось... Случилось такое неожиданное... Но я не могу говорить по телефону!..

«Ясно, — решил я, — земной шар украли. Ах, тетушка, тетушка! Не уберегла».

Вскоре я уже стучал в дверь флигелька.

Вид у тети Наташи был до предела растерянный: она то бледнела, то краснела, а на щеке часто-часто билась какая-то жилка.

— Яша, — сказала она прерывистым голосом, — случилось необыкновенное... такое, на что я никак не рассчитывала... Но ты должен...

— Могила!.. — поднял я руку.

— Вот-вот!.. — Она опустила беспомощно голову и прошептала: — Я, кажется, выиграла двадцать пять тысяч...

Некоторое время мы смотрели друг на друга — я с тревожной подозрительностью, а тетушка почему-то с виноватым видом.

— Успокойтесь, тетя Наташа, — сказал я наконец, — вам это померещилось после нашего последнего разговора... Как это может быть ни с того ни с сего раз — и получишь полный самосвал денег!

— Вот и я думаю, что померещилось, — будто даже с облегчением сказала тетушка. — Или очки плохо протерла... Все цифры сливаются в какую-то муть... Да посмотри сам...

Тетушка расстегнула свою вязаную кофточку, пошарила и дрожащей рукой вынула вчетверо сложенную облигацию.

— А таблица вот, в «Известиях», — показала она на круглый стол.

Сдерживая себя всеми силами, я медленно развернул облигацию.

— Так-так, — сказал я, разглаживая голубоватую бумажку. — «Трехпроцентный внутренний заем». Та-ак... Серия...

— 009131, — подсказала тетушка.

— Посмотрим, — наклонился я над газетой: — 008711... 008729... Черт возьми!.. 009131!.. Ничего тут не мутится, все предельно четко... А номер?

— Семь... — прошелестела тетушка.

Я взглянул на облигацию и опять склонился над газетой:

— Вот здорово!.. И номер совпадает!.. Тетушка, кричите ура, эвиво, банзай и... как это будет по-арабски?..

— Забыла... — растерянно сказала тетушка. — Сразу память отшибло...

— Вперед!.. На старт!.. — орал я всякую чепуху.

— Брррому!.. — кувыркнулся попугай.

— Да тише вы!.. — замахала на нас руками тетушка, с испугом оглянувшись на окно. — А вдруг кто подслушивает!..

Отпустила меня она только после того, как я пообещал перебраться из общежития к ней во флигелек, в маленькую комнатнушку, смежную с гостиной. Правда, она и раньше предлагала это, но мне не хотелось уходить от ребят.

— Хорошо, — сказал я, — сегодня же перетащу сюда свой чемодан и буду сторожить вашу облигацию, пока не найдем ей надежного места.

ПЕРВАЯ НЕУДАЧА

Я, конечно, знаю, что никакого рока не существует. Рок выдумали древние греки и Софокл. Есть просто неблагоприятное стечение обстоятельств. Жаль только, что обстоятельства эти сошлись над моей рыжей головой. Ох, что это был за день! Но расскажу по порядку.

Выхожу я из института и направляюсь на улицу Чехова, во флигелек. Чудесный день ранней осени. Солнце уже не печет, а ласково пригревает. В прозрачном воздухе плавают

серебряные нити паутины. Под ногами, на асфальте, — перистая тень от акаций, а на самой акации, то здесь, то там, белеют душистые гроздья. Да, да! Белые гроздья! Ведь осенью акация цветет вторично. Иду и мурлычу песню. И вдруг останавливаюсь, будто громом пораженный... (Нет, сравнение неточное и трафаретное). И вдруг останавливаюсь, ошарашенно тараща глаза. (Неблаговучно, да уж ладно!) Навстречу мне в костюме цвета морской волны, с веточкой белой акации в темных волосах, с маленьким чемоданчиком в руке идет... Да, да, сама Дина!..

— Ты?! — вскрикиваю я. — Здесь?! В Таганроге?!

А она, как ни в чем не бывало, спокойно отвечает:

— Что же в этом удивительного? Вот привезла Геннадию пирожки. Я позвонила ему с вокзала, он ждет меня. Это в каком направлении? Я правильно иду? Ну, как живешь?

Я взял у нее чемодан и зашагал рядом.

— Как живу? Превосходно!.. Здесь столько интересного!.. Например, Щербина... — говорил я в замешательстве.

— Какая щербина? — не поняла Дина.

— Не «какая», а «какой». Поэт древнегреческий... То есть поэт, писавший стихи о древней Греции. Он тут родился лет полтора-ста назад. Тётя Наташа влюблена в него...

— Как, он еще жив? — удивилась Дина.

— Нет, кажется, умер, но для тети Наташи он будет жить вечно. Да разве только Щербина! Тут такие события! Например, царь умер. Не в каждом городе умирают цари...

Дина искоса на меня посмотрела и сказала:
— Очень интересный город!

Но тут я опомнился и принялся рассказывать о нашем посещении «Красного котельщика».

— Ну, завод! Ну, продукция! Каждый котел высокого давления обеспечивает сто тысяч киловатт-часов. Шесть таких котлов — и вот тебе по мощности весь Днепрогэс. Такую продукцию не положишь в чемодан, как пирожки. В собранном виде один котел выше тринадцатизэтажного дома. Ты думаешь, это предел? Как бы не так! Они сейчас работают над котлом сверхвысокого давления!

Рассказывая, я повернул в переулок налево. Ничего не подозревая, Дина последовала за мной, и через некоторое время мы оказались перед входом на Каменную лестницу, на площадке со старинными солнечными часами. Перед нами развернулся блекло-голубой залив в рамке красноватых берегов.

— Куда мы пришли? — остановилась Дина. — Разве общежитие здесь?

— В противоположной стороне, — сказал я. — Но разве ты не хочешь спуститься к морю?

Дина заколебалась:

— Но ведь меня Геннадий ждет.

— Подождет, — беспечно сказал я, беря ее под руку.

Покатавшись на лодке часа два, мы снова поднялись наверх, и я привел Дину в парк.

— Разве общежитие здесь? — спросила она.

— Общежитие в другом конце города, но ты же должна посмотреть, какой у нас замечательный парк.

Мы гуляли по тенистым аллеям, взлетали вверх на «ракете», катались на разрисованных лодочках-качелях, хохотали в «комнате смеха», а под конец провальсировали на танцплощадке, причем я ни на минуту не выпускал из руки Динин чемодан.

— А теперь пойдем, я покажу тебе наш приморский бульвар, — сказал я.

— Но ведь Геннадий ждет, — слабо возразила она.

— Ничего, подождет. К тому же это почти по пути.

Когда мы подходили к монументу основателя Таганрога Петра Первого, который величественно стоит посредине Приморского бульвара, луна уже поднялась и протянула по воде свой бриллиантовый шлейф (кажется, вычурно, да уж ладно).

Мы сели на скамью, у самого обрыва, и заглянули вниз. Там, за темными портовыми амбарами-промадами, бесконечной сине-свинцовой пеленой расстилалось море. Волн мы отсюда не видели, но их однообразный ровный рокот не смолкал ни на минуту. Я рассказывал Дине о тете Наташе и ее мечте. Рассказывая, я смотрел в побледневшее под лунным светом лицо девушки, в ее глаза, казавшиеся теперь особенно глубокими, и все ближе склонял голову к ее плечу, пока щеки моей не коснулся завиток ее волос.

Но тут Дина вдруг вскочила и, сказав: «Но меня ведь Геннадий ждет!», быстро пошла прочь от скамьи. Я догнал ее, и мы зашагали темными немощеными улочками к четырехэтажному зданию общежития, светящемуся множеством окон.

— Так что же представляет собой твоя тетушка? — спросила Дина.

— Как тебе сказать? — ответил я. — Подчиняясь притяжению двух сил — мещанского прошлого и социалистического будущего, — она заметно колеблется: эмоциональное начало тянет к прошлому, интеллектуальное — к будущему.

— Что, что? — спросила Дина, подозрительно вглядываясь в меня. — Это твои слова?

— Н-н... не совсем, — замялся я. — В ос-

новном это, конечно, слова Горького, но чуть-чуть есть и моего...

— Яшка!.. — возмущенно топнула Дина босоножкой. — Опять содрал?! Безобразие! Как тебе не... — И вдруг, прервав себя, спросила: — А чемодан где?

— Чемодан?! — схватился я за голову. — Там, на бульваре... на скамейке...

— Растяпа! — с презрением сказала Дина. — Плагиатор и растяпа!..

Круто повернувшись, она побежала к воротам общежития.

А я, спотыкаясь о кочки, бросился обратно на бульвар, но никакого чемодана на скамье уже не было.

Презирая себя всем своим существом, вздыхая и поскребывая затылок, я выбрался на Чеховскую улицу и побрел к тетушкиному флигельку.

СЕРЫЙ СТАРИК

Я уже подходил к калитке, когда меня кто-то окликнул:

— Простите, вы, кажется, племянник Натальи Сергеевны?

Я обернулся. Ко мне подходил сухонький маленький старичок в сером пальто и серой шляпе. Лицо пергаментное, жесткие щеточки усов и мохнатые брови — тоже серые.

— А вы откуда знаете мою тетю? — насторожился я.

— Наталью Сергеевну? Господи, да кто ж в городе ее не знает! Такая почтенная женщина, наша, можно сказать, гордость. А кроме того, у нас одна страсть — антикварство, соби-
рание редких вещей.

Заметив, что я еще больше насторожился, старичок поспешил меня успокоить:

— Ни-ни-ни!.. Никто, конечно, об этом не знает. Ни одна душа. Так, только общие разговоры. Я вашей тетушке категорически запретил распространяться на эти темы, чтобы не просить, как говорят, огня на соломенную крышу. Да и вам, молодой человек, советовал бы помалкивать... Впрочем, что же это я!.. Комиссаров Леонид Петрович, — протянул он мне ру-

ку. — Старый друг покойного супруга вашей тетушки.

— Яков, — назвал я себя.

— Да знаю, знаю! Мне уже говорили о вас. Это очень хорошо, что вы поселились у тетушки. Не так будет одиноко старушке. — Он вынул часы, посмотрел на них и протянул мне. — Не вижу без очков. Часов одиннадцать?

— Половина, — сказал я.

— Рано, — вздохнул он. — Меня бессонница мучает. Возраст, ничего не поделаешь. А не посидеть ли нам часок за кружкой пива? Так и быть расскажу вам одну прелюбопытную историю про вашу тетушку и про себя — мы вместе в эту историю влипли, когда охотились за японской перламутровой шкатулкой.

У меня было мутно на душе, и я тотчас же согласился:

— Пожалуйста, очень рад. Но где?

— Да хотя бы и в «Волне», в той самой «Волне», которую болельщики футбола всегда вспоминают, когда им нравится судья: «Судью — в «Волну». Хе-хе-хе!.. Хорошая штука — футбол! Кровь полирует.

Вскоре мы уже сидели в большом зале со множеством столиков, с эстрадой для музыкантов, с танцующими в проходах парами.

Выбирал старик блюда с большой тщательностью, не спеша и с разными предупреждениями официанту: «Только скажите там, на кухне, чтоб не пережарили». Или: «Да проследите, чтоб масло было прованское, а не подсолнечное». Из напитков заказал водку, коньяк и портвейн. Наливая мне, он говорил: «Следуйте

моему примеру: из всех слабых напитков предпочитаю коньячок и столичную сорокаградусную, хе-хе-хе!..»

Я пить не люблю, не умею и не могу понять, что в этом нравится другим, но мне хотелось отвлечься, а старикан так ловко сдабривал каждую рюмку подходящей поговоркой или стишком, что очень скоро все поплыло у меня перед глазами.

Что он рассказывал про тетю, хоть убей не помню, как не помню, что сам говорил. Помню только, что я все время порывался пригласить на танец какую-то даму с чернобуркой вокруг шеи, но каждый раз, как я к ней приближался, она оказывалась не дамой, а мужчиной с черно-серой бородой.

Помню еще, как бросала меня из стороны в сторону какая-то сила, когда я возвращался домой. Старик только охал да плакался: «Ой, что я наделал!.. Вы хоть не говорите тетушке: заест она меня... Скажите, что на именинах у приятеля наклюкались».

Дома подо мной кровать взлетала вверх и стремительно неслась потом вниз, и мне казалось, будто я все еще катаюсь в парке на лодочке. Я мычал, стонал, а когда открывал глаза, то видел зеленого попугая: он заглядывал одним глазом из гостиной в мою комнату и назойливо бормотал: «Грипп?.. Грипп?.. Спирту!».

Тетушка ходила как потерянная и то и дело прикладывала мне на лоб салфетку, намоченную в уксусе. По своей деликатности она не показывала виду, что понимает, какая со мной приключилась беда.

Я провалялся в постели целые сутки и толь-

ко потом встал и побрел в институт. Но там меня ждал новый удар...

Уже в коридоре я заметил, что у каждого кто попадался мне навстречу, ползли кверху брови и сам собой раскрывался рот. А пройдя к тому месту, где у нас обычно вывешивается факультетская стенная газета, я увидел толпу. Ребята читали, давились и приседали от смеха. Девушки кричали: «Безобразие!.. Позор!.. Это так оставить нельзя!..»

Увидя меня, толпа расступилась, и я в злобейшей тишине подошел к стенгазете. Мама дорогая! Я увидел... Да, я увидел свое собственное изображение. Стою с бокалом в руке, с взъерошенными волосами, с бессмысленными

глазами и раскрытым ртом, будто произношу речь... Ну да!.. Речь!.. Вот она, под рисунком!..

РЕЧЬ

второкурсника Якова Коннигоры, произнесенная в ресторане «Волна» и стенографически записанная нашим фотокорреспондентом Петром Саврасовым.

Ув... уважаемые оф... официанты и официантки, му... музыканты и музыкантки! Поздравляю вас с прошедшим годом и желаю встретить его... в твердом уме и здравой памяти... Что?.. Смейтесь?.. Вы думаете, на новичка напали?.. Как бы не так!.. Я могу целую бочку!.. А красть чужие пирожки — это свинство!.. Вот вызову... нюхательную собаку и переловлю всю шайку. Сейчас же подать мне жалобную книгу!.. Я вам пропишу маслины!.. Угощать такой горько-соленой галиматеей моего друга Геню?.. Мы завтра же с тетушкой едем на самосвале в пустыню Гоби... Запряжем десять раков — и поедем... Это еще не известно, кто первый на луну сядет — Аснес или я!.. Моя тетушка держит на ладони весь земной шар!.. Она знает, кому доверить тайну!.. Могила!.. Чтоб я кому-нибудь проболтался, что мы с тетушкой выиграли двадцать пять тысяч!.. Шалишь!.. Серия 009131... Номер 7... Я все помню!.. Меня не проведешь!.. На старт!.. Бррррму!..

Прочитав, я схватился обеими руками за голову и застонал.

НОВЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Разговаривали обо мне во всех инстанциях: в кабинете директора, в деканате, в комсомольском комитете, в студкоме и даже в кассе взаимопомощи. Правильно говорили, ничего не поделаешь. Но вот некоторые девушки, по-моему, пересолили. Чего они только не приписали мне! Я и человеческий облик потерял (имелись в виду взъерошенные волосы в «Волне»), у меня и бдительность притупилась (оставил чемодан с пирожками на скамейке), и не уважаю женский труд (назвал барабанщицу из «Волны» «музыканткой»). Чтобы их еще больше не раззадорить, я каялся, говорил, что все учту и оправдаю доверие. А какое там на данной стадии доверие, когда мне в кассе взаимопомощи даже в двадцати пяти рублях отказали — как бы не пропил!.. Вот ребята — те судили беспристрастно и говорили главным образом о том, что надо пить с умом.

Как бы то ни было, все пришло в норму, и я по-прежнему сидел на своем месте в аудитории и слушал лекции.

Успокоилось все и в доме тетушки. Облигацию мы огнесли в сберкассу и сдали там на хранение.

На радостях по случаю выипрыша тетушка подарила мне мотоцикл своего покойного мужа.

В первую же субботу я оседлал стального коня, Геннадий укрепился на багажнике, и мы помчались в Новочеркасск.

Хотя права на вождение мотоцикла я еще не получил и управление знал только по описа-

нию в инструкции — больше, так сказать, теоретически, — до Ростова мы доехали относительно благополучно. Но в Ростове... Ох, вспомнить жутко!.. Но писать — так уж все писать.

Едва мы подъехали к Красноармейской улице, как зажегся красный свет. Пока по Красноармейской проходили машины, позади нас накапливалось все больше и больше транспорта. Но вот красный свет сменился зеленым. Я плавно отпустил сцепление и дал газ, но такой малый, что мотоцикл чуть дернулся — и мотор заглох. Я соскочил, со страхом глянул на сурово смотревшего на меня регулировщика и с лихорадочной поспешностью стал заводить мотор, стараясь пропускать мимо ушей приветствия и лестные словечки, которыми сыпали раздраженные заминкой водители. Наконец мотор затарахтел. Я вскочил на седло, Геннадий на багажник. «Давай!» — крикнул он. От страха, что мотор опять заглохнет, я дал столько газу и так резко отпустил сцепление, что мотоцикл рванулся как бешеный. Я услышал только испуганный вскрик Геннадия да трель свистка. Трамвай, будка, дворник в белом фартуке — все кувыркнулось в моих глазах, когда я безумными зигзагами мчался по перекрестку. Резко торможу, оглядываюсь назад — багажник пуст. Глянул налево — через мостовую, направляясь ко мне, идут милиционер и Геннадий, весь серый от пыли и с разодранной штаниной.

— Ваши права! — говорит милиционер, прикладывая руку к фуражке.

Я шарю по карманам, вздыхаю. Отряхивая пыль, вздыхает и Геннадий.

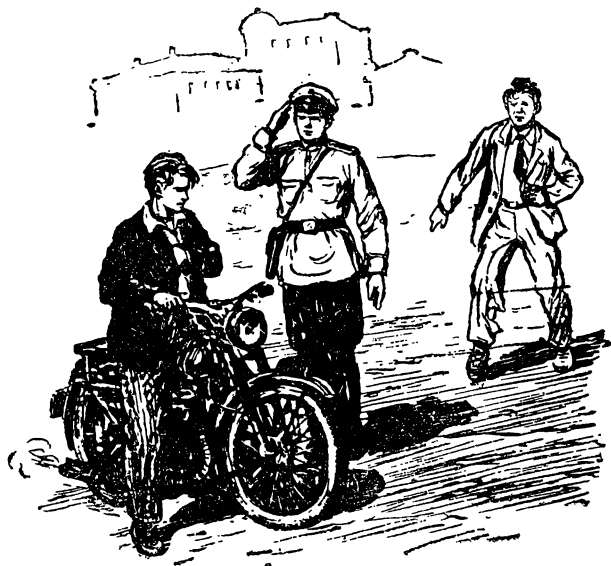
Через несколько минут — тот же вопрос, но уже в отделении милиции.

Опять шарю по карманам, опять вздыхаю.

— Что ж, — говорит лейтенант милиции, — мотоцикл оставьте здесь, а сами отправляйтесь за правами.

— Нам в Новочеркасск надо, — нерешительно говорит Геннадий (я совсем забыл сказать, что из Новочеркасска ему часто пишет какая-то Юля).

— Нам в Новочеркасск надо!.. — уныло вторю ему я.

Наступает долгая, томительная пауза. Слышатся только наши вздохи.

— Товарищ лейтенант, — опять говорю я, — любили ль вы?..

Лейтенант смеется:

— Любили ль вы, вздохнули ль вы? Ладно, езжайте уж, да в другой раз не попадайтесь.

Выехав за город, я поворачиваюсь к Геннадю и свирепо говорю:

— Расскажешь Дине — убью!..

Через час с четвертью мы уже оказались в центре города с его знаменитым собором и памятником Ермаку, а еще пять минут спустя остановились перед двухэтажным домом, из окна которого с удивлением и радостью смотрела на нас Дина.

Геннадий соскочил с багажника и пошел в дом.

— Дина, — крикнул я, — не уходи никуда! Я заскочу к старикам и сейчас же вернусь.

Вот и тихонькая одноэтажная улица Первого мая, вот и наш двор. Будто и не уезжал: все точь-в-точь как было. Та же облупившаяся летняя печка под акацией, рядом то же продырявленное ведро с углем, и так же сушится на веревке тряпка, которой мама моет полы.

Желая сделать старикам приятный сюрприз, я тихонько прошел по террасе и чуточку приоткрыл дверь. Отец стоял около книжного шкафа, держа в руке коричневый том Малой советской энциклопедии; мама, одетая в летнее пальто, завертывала что-то в газетную бумагу.

— Ни отец мой, ни дедушка — никто этим не страдал, — говорила мама. — Значит, ищи по своей линии.

— А я тебе говорю, что современная наука отвергает наследственность этой болезни, — раздраженно отвечал отец. — Вот ясно сказано: «Среди господствующих классов причиной распространения алкоголизма являются идейная опустошенность и моральное разложение».

— Так то среди господствующих, — возражала мама, — а какие мы господствующие классы, когда твой отец коней ковал в деревенской кузнице, а мой дрессировщиком был!

— Толкуй с ней! — досадливо крикнул отец. — Речь идет о том, что алкоголизм есть болезнь социальная, понятно?

«Ну, тетушка! — подумал я. — Отписала уже!» И, не желая больше слушать этот научный диспут, распахнул дверь. Мама ахнула, отец уронил энциклопедию и, схватив со стола недопитую бутылку пива, поспешно запер ее в буфет. Потом, повернувшись ко мне, спросил:

— Выгнали?..

— А мы к тебе собрались, — обморочным голосом сказала мама.

Не вдаваясь в подробности, я поспешил их успокоить. Отец опять поставил бутылку на стол, и мы все трое сели обедать.

Дина встретила меня иронической улыбкой.

— Так-ак, — сказала она, — очень мило. Особенно мне нравится в твоём выступлении вот это место... — Она вынула из кармана блузки лист тетрадной бумаги, расправила его и прочла: — «Поздравляю вас с прошедшим годом и желаю встретить его в твердом уме и здоровой памяти». Шедевр!

— И ты Брут! — посмотрел я на Геннадия. — Так вот кого я пригрел за спиной, на багажнике.

— Что ты!.. — вступилась за брата Дина. — Да этот текст уже два дня гуляет по Новочеркасску. Такое блестящее выступление, да чтоб его не переслали сюда наши земляки!

Геннадий, переменяв брюки, отправился... не знаю, куда он отправился, а мы с Диной пошли гулять по бульварам. Где же еще в Новочеркасске можно гулять, как не по этим бульварам, что тянутся через весь город. Я рассказывал о своих злоключениях, а Дина смеялась так переливчато, так по-детски взвизгивала при этом, что у меня сердце таяло. И вообще в этот вечер она ни разу не выпустила своих коготков.

Когда я проводил ее до дома, она сказала, чтоб я ее подождал. Ушла и вернулась с большой книгой, завернутой в газету.

— Вот, — сказала она, — передай своей тетушке, это ей пригодится. Я случайно обнаружила у букиниста.

— Что же это? — спросил я.

Дина подумала и медленно произнесла:

— Я не люблю цитировать. Лучше ту же мысль выразить своими словами. Но в данном случае трудно сказать удачнее: «Это вселенная, расположенная в алфавитном порядке».

Уже взявшись за ручку двери, она вдруг повернулась и заметила укоризненно:

— А все-таки ты растяпа!.. Как можно было поддаться этому серому старикашке!

— Дина, — взмолился я, — так ведь... Ну, подожди, давай еще пройдемся, я объясню... Понимаешь, у меня было такое состояние...

— Некогда мне слушать про твое состояние, мне надо идти, — безжалостно сказала она и неправдоподобно озабоченным тоном добавила: — Надо же зашить прореху на Генькиных брюках.

ШУМНЫЙ ВИЗИТ. ПИСЬМО

Книжке тетя Наташа обрадовалась несказанно. Оказывается, это был какой-то очень редкий арабско-русский словарь, о котором она мечтала всю жизнь. Она то прижимала его к груди, то раскрывала и с жадностью перелистывала, то прятала в шкаф, то опять вынимала и гладила ладонью кожаный корешок.

— Как девушка назвала эту книгу? — переспросила тетя.

— Вселенной, расположенной в алфавитном порядке, — ответил я.

Тетушка прикрыла глаза и задумалась:

— Да, да я слышала это замечательное определение. Ты понимаешь, что оно значит?

— Почти понимаю, тетя Наташа. То есть понимаю, но не вполне... А, черт!.. Понимаю, но не уверен, что правильно... (Как же все-таки трудно высказывать мысли с предельной точностью! С предельной? Вот и это слово я, кажется, слишком часто употребляю.)

— Так я тебе объясню, — сказала тетушка. — Слова — это образы, и с их помощью можно отобразить всю вселенную. Понятно?

— Почти, — ответил я. — Но что мне понятно с предельной... то есть что мне полностью понятно, так это то, что Дина лучше всех во вселенной.

Несколько дней жизнь текла мирно и спокойно, без происшествий. Геннадий усиленно работал над рефератом «Трение в механизмах приборов» и потому заглядывал ко мне редко, тетушка вся ушла в свои словари, а я усердно посещал лекции и семинары и изучал свой мотоцикл, чтоб наконец получить права.

Но вскоре наша безмятежная жизнь была нарушена одним шумным посещением. Вот как это было.

Я сидел в своей комнате и сочинял письмо Дине. В нем я описывал автоматический станок... Ах да! Я совсем забыл об этом рассказать. Дело в том, что когда я был в Новочеркасске, Дина попросила меня побывать на заводе, где есть автоматические станки, и коротко описать их. Зачем ей это понадобилось, она не сказала, а спросить я не решился.

Когда нас снова «для политехнизации» повели на экскурсию — на этот раз на комбайновый завод, — я забрел в механический цех и довольно основательно познакомился как со станками, так и с прелюбопытным парнем, который обслуживал их. Вот эти станки и этого парня я и описывал Дине, когда вдруг послышался стук в дверь. Думая, что это Геннадий, я встал и направился в переднюю.

— Не открывай, не открывай!.. — крикнула мне вслед тетушка. — Посмотри сначала в щелочку.

Но я уже распахнул дверь.

Передо мною стояла пожилая женщина с забитыми пудрой морщинами на желтом лице, в зеленой из перьев шляпе, в зеленом пальто — ни дать ни взять наш попугай.

— Скажите, пожалуйста, здесь живет Наташа Никитина? Ах, извините, я хотела сказать — Наталья Ивановна Чернобаева, — спросила она хриловатым, очень слащавым голосом, тоже похожим на голос нашего попугая, когда он выклянчивает у тетушки сахар.

— Здесь, — подтвердил я.

Женщина сняла в передней пальто, посмотрела, прищурясь, в зеркало, прокашлялась и шагнула через порог в гостиную. Здесь она опять остановилась и некоторое время смотрела с выражением умиления и печали на поднимающуюся ей навстречу тетушку. Глаза гости покраснели и наполнились влагой. Она всхлипнула и, порывисто шагнув к тете, обняла ее.

— Она, она, наша Наточка Никитина, кумир всех гимназистов, сказка Таганрога! — всхлипывая, прижимаясь к тете и целуя ее, говорила женщина. — Я сразу узнала, с первого взгляда. Вот же и родинка на щеке, что так сводила с ума всех гимназистов и подпоручиков. Правда, родинка наша немного поросла серебряными волосиками, но все такая же миленькая и все так же идет нашей очаровательной Галатее.

Вдруг женщина откинулась, уперлась ладонями тетушке в грудь и капризно сказала:

— Да ты что молчишь! Посмей только сказать, что ты меня не узнала! Рассержусь, честное слово, рассержусь и уйду, не сказав больше ни слова. Ну? Ну, ну? Смотри внимательней, смотри...

Тетя, то нерешительно улыбаясь, то с напряжением всматриваясь в лицо женщины, топталась на месте, боясь назвать не то имя.

— Да Люда же, Люда Калмыкова, что потом вышла замуж за Камбурули! Ну, узнала теперь? Впрочем, — вздохнула женщина, — где тебе помнить! Ведь нас, кто преклонялся перед тобой, были сотни, а ты одна, королева! К тому же я была на три класса младше тебя. Но все-таки обидно, что ты забыла меня. Не-хорошая!..

— Да, да, — смущенно лепетала тетушка, — да, да, теперь я припоминаю... Вы, кажется, жили на Елизаветинской улице, возле монастырского подворья...

— Вспомнила?! — радостно взвизгнула жен-

щина. — Ну конечно же вспомнила, Дуся моя! — И опять принялась обнимать и целовать мою тетушку. — Именно, возле монастырского подворья, около самого подворья!.. Ах, боже мой, боже мой, сколько же лет я не была в нашем милом Таганроге! Двадцать девять?.. Тридцать один?.. Куда, скажи мне, куда ушла наша молодость! «Счастья было столько, сколько влаги в море, сколько юных листьев на седой земле». — Она грустно покачала головой. — «И остались только, как *emento mori*, две увядших розы в синем хрустале». Ну, ничего! — задорно потрянула она головой. — Будем доживать нашу жизнь без хныканья! И доживем ее не хуже других, правда, Наточка?

И тетушка, конечно, поспешила на кухню и принялась там звякать посудой. Пока она готовила кофе, зеленая женщина (на ней и платье было зеленое) успела сунуть мне в рот сигарету, пропеть в нос романс «Белой акации гроздья душистые» и рассказать столетней давности анекдот.

Когда тетушка появилась с подносом, я направился к себе в комнату.

— Не хотите с нами остаться? — хихикнула мне вслед зеленая.

Я продолжал размышлять о посещении завода.

Да, токарные станки-автоматы хоть кого могут заинтересовать. Щелкают своими механизмами с такой уверенностью, будто они-то и есть настоящие хозяева завода, будто важней их ничего на заводе нет. Щелкают и выбрасы-

вают в железное корыто готовые детали. Детали падали и падали, и не было им числа, между тем все пять автоматов обслуживал только один человек: он ходил от станка к станку, там что-то подкручивал, там подливал масло, там заправлял в станок длинный стальной прут; станок втягивал прут в себя, а взамен выбрасывал чистые готовые штуцера.

Но особенно заинтересовала меня работа наладчика автоматов. Это был коренастый парень с уверенными движениями мускулистых рук и с пресимпатичной хитрецей в маленьких веселых глазках. Он затачивал и устанавливал резцы, регулировал автоматы. И станки превращались в его покорных слуг и делали все, что он им приказывал. Я следил за уверенными движениями его рук, видел его неторопливую походку и прищур лукавых глаз и думал: «Такого ничем не смутишь».

И как же я удивился, когда «повелитель машин», узнав, что я студент второго курса, вдруг застеснялся и смущенно сказал:

— А я, брат, только на первом, да и то в техникуме...

Я подождал конца смены, и мы вместе вышли из завода. Что за парень! Кончил ремесленное училище, пошел работать токарем. А теперь вот работает наладчиком и учится уже в вечернем техникуме.

— Только я литературу плохо знаю, — пожаловался он. — Моя девушка всю клубную библиотеку перечитала. Боюсь, что ей скучно будет со мной. Ну ничего! Я недавно купил сочинения Бальзака. Прочитаю все пятнадцать томов и продам. Потом куплю Виктора Гюго,

тоже полное. Так я постепенно всех классиков прикончу.

Я важно сказал, что полностью «приканчивать» классиков, может быть, и не нужно, но знать их важнейшие произведения необходимо.

— Хочешь, я буду руководить твоим чтением? — предложил я.

Он очень обрадовался, а когда узнал, что я осваиваю мотоцикл, в свою очередь пообещал обучить меня всем тонкостям управления.

Прощаясь, он назвал себя:

— Крутоверцев Григорий.

— Крутоверцев Григорий?! — воскликнул я. — Уж не про тебя ли в газете недавно писали как про лучшего бригадмильца?

— Ну, уж и лучший! — поморщился он. — На счету у меня ерунда: три бандита да шестеро хулиганов.

Вот обо всем этом я и написал подробно Дине.

И вот что она мне ответила коротеньким письмецом:

Яша!

Не сердись: я хотела испытать тебя. Если бы ты мне прислал подробное техническое описание станка-автомата да, может быть, приложил бы к нему чертежи, я бы сказала тебе: «Оставь надежду навсегда». Но ты писал не столько о станке, сколько о человеке. И я подумала: как знать, может быть, мечты и сбудутся.

Дина.

Р. С. Что касается управления мотоциклом, то что уж о тонкостях мечтать! Научись управлять хоть так, чтоб мне не зашивать прорех на Генькиных брюках.

Прочитав письмо, я мысленно крикнул: «Ура! Дина верит, что из меня выйдет писатель. Тогда — всё. Что касается Геннадия, то с ним будет разговор серьезный».

ГОЛОСА ИЗ КАБИНКИ

Эта зеленая — довольно надоедливое существо. Каждый день приходит с визитом: «Наточка, Наточка, я к тебе мимоходом, на одну маленькую минуточку, только узнать, как ты себя чувствуешь». Потом рассядется и два часа пьет кофе. Тетушка, кажется, только из вежливости принимает ее, мне она определенно не симпатична. Что касается попугая, то этот подлец души в ней не чаёт: она еще в передней, а он уже распускает крыло и начинает кружиться, будто вальсирует. Уж не сидели ли они раньше рядом на одной пальме где-нибудь в Африке?

Впрочем, тетушка принимала зеленую из вежливости только в первое время, потом привыкла к ее посещениям, и, как я заметил, у них даже появились какие-то секреты. Во всяком случае, они не раз внезапно умолкали, когда я входил в гостиную. Помолчат, потом зеленая ни с того ни с сего начинает вспоминать: «А помнишь, Наточка, нашу грозную начальницу Зинаиду Георгиевну Рунге? Ах, какая была представительная дама! И как ее все в

гимназии боялись! Однажды...» И пойдет рассказывать, что было однажды, причем без стеснения хохочет на весь дом. Потом подсядет к пианино и с отчаянным цыганским пошибом принимается петь из «Кармен»:

Тра-ля-ля, ля-ля, ля-ля!
Это тайна моя!

Ни одна кошка не способна выводить весной на крыше такие рулады, какие выводила эта нахальная женщина в нашем тихом флигельке. И удивительнее всего, что тетушка слушала ее затаив дыхание, с загадочным блеском в глазах:

Я не выдержал и как-то спросил тетушку, почему, когда я дома, Людмила Павловна говорит шепотом. Тетушка ответила неуверенным голосом:

— Ведь ты же читаешь, вот она и не хочет мешать. — Потом загадочно улыбнулась и прибавила: — К тому же, разве мы не можем посекретничать? Нам есть что вспомнить...

Это, конечно, верно, а все же... Словом, зеленая мне не нравится. Я заметил, что тетушка все реже и реже открывает свой красный шкаф и все чаще о чем-то задумывается. Я даже слышал, как, оставшись одна в гостиной, она прямо сказала: «Боже мой, что же мне делать!»

Однажды, выйдя неслышно из своей комнаты (я уже говорил, что пол гостиной устлан ковром), я услышал, как зеленая сказала:

— А ты продай мебель — на что она тебе! Только воздух вытесняет. Оставь самое необходимое.

— Ах, нет!.. — шепотом воскликнула тетя. — Я так ко всему этому привыкла!..

Но тут они меня заметили и умолкли.

Когда зеленая ушла, я сказал:

— Тетя, не продавайте мебель.

Тетя вздрогнула и испуганно спросила:

— Ты подслушивал?

— Что вы, тетушка! Не имею такой привычки. Я случайно услышал, когда входил в комнату, вы же видели.

Весь вечер я пытался ответить себе на вопрос: зачем тетушке продавать мебель? Что ей — не на что жить? Ведь она получает пенсию за мужа и, кроме того, в сберкассе у нее двадцать пять тысяч.

Утром, за завтраком, я сказал с упреком:

— Вижу, тетя, вы мне больше не доверяете. А я умею хранить тайну.

Но тут же осекся и почесал в затылке.

— Могила! — подмигнула мне тетя и весело засмеялась.

Но, посмеявшись, тетушка опять задумалась, и между ее бровями резко обозначилась складка.

— Нет, — сказала она решительно, — уж эту тайну я никому не доверю, никому! К тому же это не моя только тайна. Придет время — все узнают, а пока что честь велит мне молчать.

— Если так, тетушка, то, конечно, не говорите, — согласился я. — Какое мне дело!

Мог ли я тогда подумать, что уже вечером мне придется изменить свое мнение!

Вечером я сидел с товарищами в заросшей

диким виноградом маленькой кабинке летнего кафе и ел мороженое. Вдруг из-за решетчатой перегородки ко мне донесся женский хриловатый смех, показавшийся очень знакомым. Листья винограда уже сильно поопали, но все-таки рассмотреть тех, кто сидел рядом, не было возможности. Внезапно раздался звон стекла. Женский голос сказал:

— Посуда бьется — хороший признак.

— «Хороший, хороший!» — раздраженно отозвался мужской голос тоже с хрипотцой. — Уж очень мы много времени тут тратим.

— Перестань ворчать. Я сказала, что уломаю эту старую ворону, — значит так и будет... Ох, я, кажется, совсем пьяна...

Но тут музыка с эстрады заглушила конец фразы, и больше я ничего не разобрал.

Мы расплатились и ушли. По пути домой я мучительно вспоминал, чей же это был голос. Ведь я слышал его совсем недавно, чуть ли даже не вчера. И вдруг сразу вспомнил: да ведь это голос зеленой! Конечно, это она. Как же я сразу не узнал! Правда, она была пьяна и голос ее слегка изменился. Но если так, кто же тогда «старая ворона», которую она собирается «уломать»? Уж не моя ли тетушка?!

И здесь я сказал себе: нет, Яков Федорович, вам все-таки придется этим делом заняться, а то как бы вы и впрямь не оказались растяпой.

Ночь я спал тревожно. Едва засыпал, как мне представлялась какая-то птица, серебристая, маленькая, пугливая. Она жалась к стеклу окна, будто хотела вырваться из комнаты и улететь, а наш попугай выкатывал на нее зеле-

ные глаза, хлопал крыльями и хрипел: «Раз-зорву!.. Раз-зорву!.. Раз-зорву!..» Я просыпался, и мои мысли вновь возвращались к зеленой. Странное дело, во сне ко мне привязалось убеждение, будто я видел ее еще до того, как она появилась у нас во флигельке, только она была тогда в другом платье. Я мучительно вспоминал, где я видел эти зеленые глаза старой кошки и гладкую тусклую прическу без единого седого волоска. Утомленный раздумьями, я засыпал и опять видел серебристую птаху и взъерошенного попугая...

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Утром, едва в щелях ставен заголубел расцвет, я поднялся и пешком (трамваи еще не выходили из парка) отправился в рабочий городок комбайнового завода к Грише Крутоверцеву. Однажды я уже был у него и теперь без труда нашел четырехэтажный кирпичный дом, в котором он жил. Гриша удивился, увидев меня в такой ранний час, но я сказал ему, что объяснять ничего не буду, а только прошу его прийти вечером к Каменной лестнице по очень важному делу.

Потом, уже в трамвае, я проехал к Геннадию в общежитие и попросил о том же. Геннадий потребовал, чтоб я не валял дурака и сказал бы сейчас же, в чем дело, но я только прошипел: «Тс-с-с-с...» — и ушел.

В назначенное время мы встретились неподалеку от солнечных часов, а оттуда спустились по Каменной лестнице к самому морю. В этот вечерний час набережная была почти

безлюдна. Мы уселись так, что наши ноги почти касались... (опять «почти»). Мы уселись так, что наши ноги едва не касались воды, и под тихий всплеск волны начали задуманное мною совещание. Прежде всего я поставил вопрос: допустимо ли подслушивать, этично ли это?

— Ты не боишься ли, что наш разговор услышат судак или севрюга? — язвительно спросил Геннадий. — Подумать только, привел нас на безлюдный берег, чтобы задать этот совершенно секретный вопрос!

Но Гриша остановил его:

— Я думаю, — сказал он, — что это только начало, а потом будет и что-нибудь посущественнее, о чем на людях болтать не положено. Так, Яков?

— Так, — ответил я. — Давайте же сначала обсудим принципиальный вопрос.

— Что ж тут обсуждать, — сказал Геннадий. — Подслушивать подло. Вот у нас случай был. Влюбился один студент и давай объясняться с девушкой в коридоре института. А другой стоял неподалеку (это было в перерыве) и слушал. Подслушал — и давай изводить влюбленного насмешками. И до того довел беднягу, что тот ему нос расквасил. Пришлось мирить их в студкоме.

— Ну, объясняться где попало тоже не дело, — заметил я. — Для этого пейзаж нужен.

— А если поблизости никакого пейзажа нет, тогда как?

— Известно как: терпи, держи себя в руках, — поддержал меня Гриша. — Вот у нас был случай. Дали одному токарю втулку расточить. Трудится он, а точка зрения у него со-

всем другая: не столько на резец смотрит, сколько на кудряшки Фени, кладовщицы. Смотрит и соответствующую мимику на лице изображает: дескать, пойми, что за пожар у меня в сердце. Ну и запорол деталь.

— Запороть деталь — это полгоря, бывает, что человек любовь запорет, — сказал Геннадий. — Вот был такой случай. Полюбил один первокурсник девушку. Как вечер, так они на приморском бульваре. И пейзаж подходящий, а он никак не решался объясниться, такой сдержанный был. Если в какой вечер и поцелует, то только раз из десяти возможных. Она ждала, ждала, видит — вопрос проблематичный, и вышла за электромонтера.

— Ветреная девушка, — рассудил Гриша. — А он правильный парень. Вам государство стипендию платит, чтобы вы учились, а не любовь крутили на приморских бульварах. Это нам, которые учатся без отрыва, можно даже и жениться: мы люди самостоятельные, своим трудом зарабатываем на жизнь, а вы держите себя в норме. Получишь диплом — тогда пожалуйста!

— Это правильно, — согласился я. — Вот был такой случай. Женился один парень на своей однокурснице — она ему двух близнецов и преподнесла. Что ж получилось? Пока она близнецам кашу варит, он ходит перед ними на четвереньках. Потом она занимает его место, танцует и в ладоши хлопает, а он кашу варит. До учебы ли тут! Они даже «Красное и черное» из экономии времени читали пополам.

— Как это пополам? — не понял Гриша.

— Она читает первую часть и кратко рассказывает ему содержание, а он вторую — и ей рассказывает.

— Ну, это сомнительная рационализация, — сказал Гриша. — Лучше тогда читать вслух.

— Да, почитай вслух под писк близнецов! Голова вспухнет.

В таком духе мы поговорили еще с полчаса, пока я не вспомнил, зачем привел их сюда.

— Подождите, — сказал я. — Этим случаям не будет конца. Давайте же решим, наконец, принципиальный вопрос.

— Не понимаю, как можно решать принципиальный вопрос в отрыве от фактов, — пожал Геннадий плечами. — Давай, рассказывай, что там стряслось.

Так как Гриша был того же мнения, я не стал спорить и рассказал приятелям обо всем, что так занимало меня последние дни.

— Да-а, — протянул Гриша, подумав, — чувствую, тут что-то кроется. Дело нечистое.

— Нечистое, — согласился с ним Геннадий. — Попробуй порасспросить еще раз тетушку, чего хочет от нее эта зеленая.

— Ничего не выйдет, — махнул я рукой. — Я же вам говорю, что это чужая тайна и открывать ее тете честь не велит.

— Тогда подслушай. Ведь для ее же пользы, — решительно сказал Геннадий.

— Правильно, — поддержал его Гриша.

— Да, но как? Стоять у двери, приложив ухо к замочной скважине, — покорно благодарю! Очень уж унижительная поза.

— Если дело в позе, то не волнуйся. Я тебе помогу, — пообещал Геннадий. — Будешь лежать в кровати и слышать каждое слово.

— Это как же?

— Повторяю, не твоя забота. В гостиной трансляционная точка есть?

— Нет.

— Уговори поставить. Сделаем домашним способом, без волокиты.

— Да не захочет она!..

— Как это не захочет! Скажи, Чайковского будет слушать, Римского-Корсакова, «Ночи безумные», если нравятся. Уговори. А мы с Гришей придем и в два счета все, что нужно, оборудуем.

Мы еще немного посидели у моря, Гриша, несмотря на прохладный вечер, выкупался, и все разошлись по домам.

Уговаривать тетю я начал наутро, за завтраком. Я сказал:

— Тетя, отчего бы нам не установить трансляционную точку?

Как я и ожидал, тетушка отнеслась к моему предложению сдержанно.

— Шума много, — поморщилась она. — Не люблю шума. Я потому так и держусь за этот домик, что он в глубине двора — улицу совсем не слышно.

— Что ж шум! Не обязательно подражать тем людям с веревками вместо нервов, у которых радиоточка целыми днями не выключается, — что бы ни передавали, хоть грохот грузовиков. Слушать надо то, что нравится. Одни больше интересуются международными обзорами, другие заслушиваются передачами для дошколят, а я люблю научные доклады и музыку.

— Да, конечно, если хорошая музыка и мастерское исполнение... — Тетушка пошла как будто на уступку.

— Вот именно если хорошая! — подхватил я. — Теперь стали часто передавать концерты из Московской консерватории. Чудо! Я недавно слушал четырнадцатую симфонию Скрябина. Вот это музыка! Постарался старик!

— Положим, у Скрябина только десять симфоний, — улыбнулась тетя. — Да и умер он в возрасте сорока двух лет.

— Вот видите, как мне не хватает музыкального образования, — пожаловался я. — Особенно я хотел бы послушать оперы. Их передают то из Московского Большого, то из

Ленинградского имени Кирова. Недавно «Кармен» транслировали. Вот музыка! Постарался старик Гуно!

— Неужели и «Кармен» передают? — ожилилась тетушка.

— А ка-ак же! Каждую субботу! — бессовестно соврал я. — Партию Кармен исполняет солистка Тахтарова. Вот певица! Не чета вашей Людмиле Павловне.

— Ну что ж Людмила Павловна, — пожалала тетушка плечами, — голос у нее, конечно, пропетый. Но дело не в ее голосе, дело в самой опере, поэтому я слушаю даже Людмилу Павловну... Кстати, ты опять ошибся: не Гуно, а Бизе.

— Ну как тут без трансляции! — развел я руками. — В любой момент осрамлюсь.

— Да пожалуйста! — сказала тетушка. — Разве я против? Тем более, что «Кармен» я бы и сама послушала с удовольствием.

«Есть! — сказал я про себя. — Первая линия взята!»

У ПИСАТЕЛЕЙ

В субботу мы с Геннадием опять покатали в Новочеркасск.

Вечером я пригласил Дину в парк у здания горсовета, бывшего атаманского дворца. Хорошо в этом парке осенью: влажный воздух, под ногами шуршат опавшие желтые листья, в темном небе жалобно кричат невидимые гуси. Осень. «Унылая пора, очей очарованье». Впрочем, позвольте, Александр Сергеевич, с вами не согласиться: никакого уныния я не чувствую

даже осенью, особенно когда рядом Дина. Взглянет она — и мне кажется, будто какой-то зверек гладит меня по сердцу бархатной лапкой.

И я тихо декламирую:

Уж догорает осени пожар,
И парк становится совсем сквозистый.
Теперь, по парку с криком пробежав,
Мальчишка каждый вдвое голосистей.

Дина останавливается и смотрит на меня недоверчиво:

— Это твое?

— Мое, — говорю небрежно. А у самого душа сжимается от страха: что-то она сейчас скажет?

Она идет дальше, смотрит на носки своих туфелек и раздумчиво, без связи со стихами, говорит:

— Вот тебе уже девятнадцать лет, а ты часто и говоришь и поступаешь, как четырнадцатилетний мальчишка. Отчего это?

— Не знаю, — огорченно вздыхаю я. — Наверно, от недоразвитости.

Вдруг она вскидывает голову и со странным выражением в глазах смотрит на меня:

— Вот ты тогда, в своей сумасшедшей речи, сказал, что раньше всех прилетишь на луну. Знаешь, мне это понравилось. Ты и в самом деле мог бы отправиться на луну?

Теперь голову опускаю я и со смущением выдавливаю:

— Нет, не мог бы... Страшно... Один — не мог бы...

— А с кем? — в упор спрашивает она.

— С тобой. С тобой я всю вселенную облетел бы.

Не сводя с меня глаз, она говорит:

— Вот!.. Всю вселенную!.. Помнишь, Чехов говорил, что человеку надо весь земной шар? Но земной шар — это только любимый дом, куда мы будем возвращаться в отпуск с Марса или Венеры. На Марс полетишь?

— С тобой хоть на солнце!

— Ну, на солнце мы, пожалуй, спорим, — благоразумно замечает она.

— Ну и что ж! — восклицаю я. — Сгорать — так вместе!..

Возвращаясь на другой день через Ростов, мы с Геннадием завернули в местное отделение Союза писателей. День был воскресный, и в комнате сидел только один человек — плотный, плечистый, в добротном коричневом костюме.

— Что, хлопцы, стихи принесли? — спросил он донским казачьим говорком. — Так сегодня день неприсутственный.

Я рассказал о тете, о ее мечте перевести на египетский язык «Молодую гвардию» и спросил, не может ли Союз дать ей творческую командировку.

— Она член Союза? — осведомился мужчина.

— Где там! Нет.

— Ничего не выйдет. Я вот член Союза с довоенного времени, а ездил на теплоходе «Победа» в турне по Европе за свой счет.

— Так то в турне, а тетя с целью изучения диалекта, — попробовал я возразить.

— Ну, не знаю, я переводами не занимаюсь,

я, слава богу, свое пишу. Читали? Вона сколько написал! — живнул он на шкаф, забитый толстыми книгами. — А насчет переводов — это вы нашего маститого поэта спросите: он переводит. Спросите — он в курсе.

Мы поехали к поэту. Дверь приоткрыл мужчина лет шестидесяти, лысый и, кажется, подслеповатый. Не снимая дверной цепочки, сказал, что он переехал в Москву.

— Как же так? — опешили мы. — Вы же вот! Вот же вы! Мы вас по портрету узнали.

— Это неважно, — сказал он. — Чемоданы уложены, билет на руках — можете смело считать, что я в Москве. — Он присмотрелся и вдруг воскликнул: — Товарищи!.. Тысяча извинений!.. Я думал, что это опять агенты по страхованию имущества... Ходят каждый день, жить не дают. Ну какое у поэта имущество!.. Заходите! Чем могу служить?

Когда я и ему рассказал о тетушкиной мечте, он спросил:

— А перевод ее Абу-ль ала аль-Маарри с вами?

— Нет, но мы можем прислать.

— Пришлите. Почитаю и откровенно скажу, стоит ли огород городить.

— Обязательно прошлю! — обрадовался я.

„КАРМЕН“

Геннадий и Гриша пришли в понедельник перед вечером с проводами, динамиком, наушниками и еще чем-то. Не прошло и часа, как из динамика, установленного на этажерке в гостиной, уже неслся голос диктора: «Товарищи ра-

диослушатели, проверьте ваши часы». У меня же над кроватью ребята повесили старые, из какой-нибудь кладовой извлеченные наушники. Но когда я эти наушники надел, то явственно услышал голос тетушки, хотя дверь в гостиную была закрыта:

— А теперь покажите, как выключать.

— Да очень просто: покрутите вот эту штуквину влево — и всё тут, — прозвучал ответ Геннадия.

На минуту мне стало не по себе: подслушиваю! Но тут же я вспомнил слова зеленой: «Я сказала, что уломаю эту старую ворону» — и укоры совести перестали меня мучить.

Едва ребята ушли, как явилась зеленая.

— Что это за люди у тебя были? — спросила она, по обыкновению целуя тетушку. И мне почудилась в ее голосе настороженность.

— Ах, да это приятели Яши! — ответила тетя таким тоном, будто хотела ее успокоить. — Устанавливали радио.

— Радио? Это хорошо! Значит, оперы будем слушать, — сказала зеленая, бросив на тетушку многозначительный взгляд.

Я ушел в свою комнату, плотно прикрыл дверь и надел наушники. От напряжения у меня стучало в висках. Оборудование действовало отлично: я явственно различал каждое слово, каждый звук, каждый шорох, но ничего интересного в тот день не услышал. Сплошная болтовня о каком-то подпоручике, который так влюбился в зеленую, что для охлаждения чувств прыгнул из лодки в воду в полном обмундировании.

Наконец я не вытерпел, встал, открыл дверь и вошел в гостиную.

— А я боялась вам помешать, — слащаво заговорила зеленая. Так хотелось немножко побренчать. Разрешите?

И, не ожидая ответа, подсела к пианино.

«Неужели опять «Кармен»? — подумал я. — Так и есть!»

Ударила по клавишам и страстно затянула:

Любовь — дитя, дитя свободы,
Законов всех она сильнее.
Меня не любишь, но люблю я,
Так берегись любви моей!

Она пела и бросала на тетушку «пламенные» взоры, точно перед ней сидела не тетушка, а сам Хосе, возлюбленный Кармен. Но при слове «берегись» в глазах ее вспыхнул такой алчный огонек, что мне стало не по себе.

А тетушка, скрестив руки на груди, смотрела на зеленую и улыбалась...

На следующий день, как только в гостиной появилась зеленая, я опять вооружился наушниками. Но и на этот раз за стеной шли пустые разговоры: о гимназисте Ликеардопуло, который так влюбился в инженеру-лирик городского театра Снежину, что пустил себе за кулисами пулю в лоб. «Разве теперь умеют так любить! — патетически восклицала зеленая. — Эх, прошли времена Хосе и Карменситы! Не любовь теперь, а какое-то слюняйство!» Я чуть не выскочил в гостиную, чтобы дать ей достойную отповедь. «Пуля в лоб!» «Слюняйство!» Ах, старая кошка! Что ты понимаешь в нашей любви! Но все-таки я сдержался. Терпи, това-

рищ Копнигора, терпи! Не дай тебя спровоцировать!

И терпение мое было вознаграждено. По крайней мере, одна ниточка в этом клубке в мои руки попала.

Было так: утром, когда я собирался в институт, в окно гостиной кто-то постучал. Взглянув, я увидел, что за окном стоит зеленая.

— Открой форточку! — крикнула она тетушке. Когда тетя Наташа выполнила ее просьбу, она просунула в комнату какую-то книгу. — Вот, специально для тебя посылала человека в Ростов, к знакомому букинисту. Тоже в своем роде уникам. Читай и наслаждайся. — Потом, пошарив через стекло глазами по комнате, добавила: — Там я кое-что подчеркнула. Ну, читай, дуся моя! Я вечером загляну.

«Неужели зеленая достала для тети какой-нибудь новый словарь? — подумал я. — Хочет подластиться?»

Тетя раскрыла книжку, взглянула на титульный лист и радостно засмеялась. Но вместо того чтобы поставить книгу в красный шкаф, рядом с другими словарями, она положила ее в ящик письменного стола и повернула ключ. Правда, ключ она так и оставила в замочной скважине, но книгу-то все-таки спрятала! «Нет, это не словарь», — решил я.

Из дому мы вышли вместе: тетя повернула направо, к рынку, я — налево, в институт.

Но, пройдя квартала два, я вернулся, открыл дверь флигелька и вошел в гостиную. У столика, в котором тетушка спрятала книгу, я в нерешительности остановился. Что там ни говори, а тайком лезть в ящик чужого стола

противно. Пересилив себя, я повернул ключ, вынул книгу и раскрыл ее. На титульном листе, желтом от времени, стояло: Prosper Mérimée, Nouvelles choisies, Paris, 1852».

Ага, вот оно что! Новеллы Мериме! Значит, опять «Кармен»?

Я стал лихорадочно листать книгу в поисках подчеркнутого. Вот «Этрусская ваза», вот «Двойная ошибка», вот «Венера Ильская», а вот и «Кармен»... Но что же здесь подчеркнуто? Ага, вот! Красным карандашом...

Французский я учил и в школе, изучаю его и в институте, в общем знаю неплохо, но тут от волнения и спешки значения всех французских слов выскочили у меня из головы. Я закрыл книгу, сосчитал до ста, чтоб успокоиться, и опять раскрыл. Вот что я прочитал:

«Немного подумав, она согласилась, но прежде чем решиться, захотела узнать, который час. Я поставил свои часы на бой, и этот звон очень ее удивил.

— Каких только изобретений у вас нет, у иностранцев! Из какой вы страны, сеньор? Англичанин, должно быть?

— Француз и ваш покорнейший слуга. А вы, сеньора или сеньорита, вы вероятно, родом из Кордовы?

— Нет.

— Во всяком случае, вы андалузка. Я это слышу по вашему выговору.

— Если вы так хорошо различаете произношение, вы должны догадаться, кто я.

— Я полагаю, что вы из страны Иисуса, в двух шагах от рая.

— Да полноте! Вы же видите, что я цыган-

ка. Хотите, я вам скажу «бахи»? Слышали вы когда-нибудь о Карменсите? Это я».

Через две-три страницы опять подчеркнуто:

«Я возвращался к себе в гостиницу немного сконфуженный и в довольно дурном расположении духа. Хуже всего было то, что, раздеваясь, я обнаружил исчезновение моих часов».

Та-ак!.. Опять о часах... А еще ниже подчеркнуто синим:

«— Мошенник под замком, — сказал монах, — и так как известно, что он способен застрелить христианина из ружья, чтобы отобрать у него песету, то мы умирали от страха, что он вас убил. Я с вами схожу к коррехидору, и вам вернут ваши чудесные часы».

И здесь о часах!

Я сунул книжку в ящик, повернул ключ и побежал в институт. И пока бежал (я изрядно опаздывал), перебирал в памяти все, что в новелле связано с часами. Как известно, эта новелла написана от первого лица. Кармен украла у рассказчика — самого Мериме — золотые часы и передала их своему возлюбленному Хосе. У Хосе перед казнью часы отобрали и вернули владельцу. Вот и все. Но какое же это имеет отношение к зеленой, к тетушке и продаже мебели! Нет, тут черт ногу ломает.

Однако ниточка у меня в руке. И эта ниточка — часы... Посмотрим, что будет дальше.

БРЕГЕТ

Вечером явилась зеленая. Лицо ее было в красных пятнах, глаза мутные — выпила, что ли? Я ушел к себе и надел наушники. По-

говорив о пустяках, зеленая сказала свистящим шепотом:

— Дуся моя, сколько ж можно ждать! Решай, пожалуйста.

— Не торопи меня, — ответила тетушка, и в голосе ее была мольба, — дай мне подумать.

— Ах, боже мой! По мне — думай хоть год, да мне-то думать не дают! Пойми, я могу упустить. На этот дом сотня охотников. А мне так хочется купить именно этот домик. Он в стиле английского коттеджа. И земли при нем чуть не гектар. Мне уже пятьдесят пять, пора о своем гнездышке подумать. Посажу сад, виноградник. Ты любишь «Изабеллу»? Чудный виноград! Самый любимый мой сорт. Решайся же, дуся, иначе мне придется кому-нибудь другому предложить.

— Но пойми, — почти стонала тетушка, — у меня ведь только двадцать пять тысяч. Где же мне взять остальные пятнадцать?

— Где, где! — раздраженно сказала зеленая. — Захочешь, так найдешь. Мало у тебя всяких редких вещей? Продай Будду, земной шар, индийский амулет, если не хочешь продать мебель. Ты ж сама говорила, что думаешь сдать все это в музей. Не сдавай бесплатно, а продай.

— За все это и десяти тысяч не дадут, — печально вздохнула тетушка. — Потом, я хотела в Египет ехать...

— Извини меня, дуся, но ты дура! — вспыхнула зеленая. — Кто ж в твои годы по Египтам ездит! Простудишься в пути и отдашь богу душу. Или зазеваешься — и тебя слопают кроко-

дил. Там ими все реки кишмя кишат. Если тебе уж так приспичило писать, ну пиши мемуары — о Боре Парцевском, кумире всех таганропских дам, о гимназии. Все старики перед смертью мемуары пишут. Зато какая у тебя будет вещь! Ей же цены нет! А вдруг что-нибудь случится... понимаешь?... Полетит твоя пенсия, чем будешь жить? А тут у тебя на руках несказанной ценности вещь. Ты знаешь, кто ее купить хотел? Я расскажу тебе, только ты должна поклясться, что никому на свете не проболтаешься, слышишь?

В ответ тетушка только вздохнула.

— Понимаешь, — еще более понижая голос, продолжала зеленая, — я одно время жила в Москве, в гостинице. И кому-то, дура, сболтнула об этой вещи. Что же ты думаешь! Дня через два-три стук в дверь. «Антре!» — говорю. Открывается дверь, и входит великолепно сложенный мужчина. Волосы черные, глаза голубые — ах!.. «Гуд монинг! — говорит. — Прощу, миссис, извиняйт меня, я пришел по один секретный дела». Поворачивается и, понимаешь, запирает двери на ключ. «Послушайте, — говорю ему, — если вы пришли нанимать меня в шпионки, то знайте, я женщина честная, преданная и не продам свою родину даже за тысячу долларов!» А он мне: «О, нет! Я пришел совсем по другой дела. Я знайт, что у вас есть очень интересный вещь. Мой шеф, мистер Морган (тот самый, понимаешь? Миллиардер!) очень любит такой разный вещь. Он может давайт вам двести тысяч долларов». Я спросила: «А сколько это будет, если перевести в золото?» — «Это будет, — говорит, — два мешок».

Слышишь?! Два мешка! Я встала и гордо сказала: «Никакой вещи у меня нет, вам наврали. Извольте, мистер, выйти вон!» Он сказал: «Миссис, вы ест дурак. Гуд бай». И ушел. А я до того испугалась, что тут же уложила чемодан и улетела в Киев.

Вот, дуся, какая цена этой вещи. А ты тянешь. Кстати, он все-таки оставил свою визитную карточку, будто нечаянно обронил. Карточку я, конечно, порвала, а адрес запомнила. Хочешь, я тебе его сообщу?

— Ах боже мой, — опять застонала тетушка, — ну зачем мне этот адрес, зачем мне золото! Меня золото совсем не интересует. Вещь, сама вещь бесконечно дорога! Подумать только!..

— Вот именно подумать только! — подхватила зеленая. — Весь мир знает об этой вещи, а она находится где-то на берегу мутненького Азовского моря, в маленьком домике, заросшем колючками и крапивой, у какой-то там бедной вдовы! Чудо!..

— И еще... — тетушка запнулась. — И еще меня смущает, как она к тебе попала. Ведь это тоже не безразлично. Ты требуешь от меня соблюдения тайны, а сама, сколько я ни спрашиваю, уклоняешься от ответа.

— Попала она ко мне самым законным путем, — с достоинством сказала зеленая. — Но распространяться об этом — лишнее. Изволь, я скажу, если тебе так уж хочется. Когда я жила в Германии...

— А ты разве жила в Германии? — удивилась тетушка.

— Ну, конечно, жила. Я с мужем ездила,

он там в экспортном бюро работал... Так вот, когда я там жила, мне продал эту вещь один немец, бывший офицер.

— А он откуда взял? — не унималась тетущка.

— Ах боже мой, все тебе нужно знать! Ну, взял ее из музея во время оккупации Парижа. Тогда ведь всё брали.

— Вот видишь, — укоризненно сказала тетущка, — значит, эта вещь краденая.

— Ничего не краденая! Надо же отличать кражу от военной добычи. Но он, дурак, совершенно не представлял, что это за вещь: золото — и все. А когда узнал, на коленях умолял вернуть ему. Я сказала: «Нихт, герр, надо было раньше смотреть!»

— Ну поставь, поставь еще на бой, — попросила тетущка.

Наступила короткая пауза — и вдруг я услышал мелодичный частый звон.

— Еще! — сказала тетущка.

— Ага, понравилось! — тихонько хихикнула зеленая.

Звон повторился — восемь одинарных ударов и три сдвоенных.

— Восемь и три четверти, — сладко сказала зеленая. — Какая прелесть! Он вынул их из хрустального шифоньера, в котором были еще пальто, шляпа и палка писателя. Дурак! Надо было и пальто захватить!..

«Часы! — чуть не вскрикнул я. — Зеленая привезла из Германии краденый брегет Мериме и хочет его сбыть тетущке за сорок тысяч. Ну нет! Мы еще поборемся! Не так-то просто будет ей впутать тетю в эту историю».

А из наушников меж тем доносился жалобный голос:

— Люда, милая, я тебя прошу, ну подожди еще недельку! Надо же время, чтобы реализовать кое-какие вещи.

— Двое суток! — неумолимым шепотом отрезала зеленая. — И льготных пять часов. Не вручишь через пятьдесят три часа облигацию и пятнадцать тысяч — продам другому. Я и так потратила на тебя уйму времени.

— Так возьми у меня в счет пятнадцати серебряный самовар, — просяще сказала тетушка. — Это тоже очень редкая вещь, времен Елизаветы Петровны.

— А где он? — жадно отозвалась зеленая.

— Здесь, в сундуке. Пойдем, я покажу. На нем такие художественные узоры...

Скрипнула дверь, и через минуту послышался знакомый звук сундучного замка.

Я на носках подошел к своей двери, неслышно приоткрыл ее и заглянул в гостиную. На бархатной скатерти золотились массивные круг-

лые часы. Задыхаясь от волнения, я подкрался к столу и схватил брегет. Обе крышки были открыты, и я увидел удивительно сложный механизм, сверкающий рубиновыми камнями, весь в ритмичном движении. А на блестящей внутренней стороне крышки я заметил выгравированную подпись. Как ни короток был миг, эта подпись с большой четкостью запечатлелась в моей памяти.

Вот она:

A handwritten signature in black ink, reading "M. Merimee". The script is fluid and cursive, with a large, stylized initial "M" and a long, sweeping tail on the "e".

СЧАСТЛИВАЯ ВСТРЕЧА

Ранним утром я опять побывал у Гриши и рассказал обо всем, что произошло за это время. Выслушав, он смущенно покряхтел:

— Вот неприятность: я-то ведь эту Кармен не читал. Слышать — много раз слышал, как она поет по радио, а читать — не читал.

— Так нá, читай, — сунул я ему книжку, предусмотрительно захваченную из библиотеки. — А вечером потолкуем.

Из института я позвонил Геннадию и тоже условился о встрече...

Роман Петрович читал лекцию о Шелли. Я напряженно вслушивался, но мысли все время возвращались к Мериме. В перерыве я подошел к доценту и спросил:

— Роман Петрович, где можно достать факсимиле Мериме?

— Факсимиле Мериме? — удивился он. — А зачем вам?

— Очень надо, Роман Петрович, очень.

Он подумал.

— Что ж, и в книге Виноградова «Мериме в письмах к Соболевскому» можно найти. Только этой книги, к сожалению, нет ни в Чеховской библиотеке, ни в нашей, институтской. Есть в Ростове, и не в одной библиотеке.

— Еще один вопрос, Роман Петрович: это все правда, что в «Кармен» написано о часах? Правду писал Мериме, что Кармен украла у него золотые часы с боем?

Доцент засмеялся:

— Милый мой, вот я поручу вам написать реферат о Мериме, а вы там и решите этот вопрос.

Я подумал: «Очень удобный способ уклониться от ответа».

Из института я шел в глубоком раздумье. Что делать? Попробовать уговорить тетюшку не поддаваться ее горячей любви к уникальным вещам и прогнать зеленую? Но в этот ее период явного перевеса эмоционального начала над интеллектуальным она и советоваться со мной не захочет, да к тому же и догадается, что я подслушивал. Обратиться в милицию? Так зеленая скажет, что она купила часы на законном основании, да еще, пожалуй, немецкую расписку предъявит.

Задумавшись, я чуть не наткнулся на пожилую женщину, которая шла навстречу с кипой перевязанных ленточкой тетрадей под мышкой.

— Ох, извините! — сказал я и сразу же узнал ту седую гражданку, которая ехала в одном с нами вагоне в Таганрог. — Здравствуйте! — приветствовал я ее.

Внимательно посмотрев на меня, она спросила:

— Вы, вероятно, из моих бывших учеников?

— Нет, — ответил я, — мы просто ехали вместе из Ростова. Вы еще говорили студентам, что лучше Таганрога на свете города нет.

Сказав это, я вдруг ахнул, да так, с открытым ртом, и остался стоять. Дело в том, что, увидев эту женщину, я тотчас же вспомнил и другую — с желтым лицом в морщинах, забитых пудрой, и явно крашеными волосами. Так вот когда и где я впервые увидел зеленую!..

— Что с вами? — удивилась седая женщина.

— Ничего, — ответил я. — Абсолютно ничего. Только скажите мне, вы не встречали больше ту противную гражданку, которая в вагоне просила вас рассказать о всех деталях жизни Таганрога?

— Журналистку? Ну почему же она противная? Просто своеобразная... Как же, она и теперь ко мне заходит.

— Она журналистка?! — опять раскрыл я рот.

— Да журналистка. Она собирает здесь материал для книги «На родине Чехова».

— Так уж не вы ли рассказали ей о моей тетушке Наталье Сергеевне Чернобаевой?

— Вот как! Наталья Сергеевна ваша тетушка? Да, я рассказывала и о ней.

— И говорили, что тетя собирает вещи-уникумы?

— Говорила. Но ведь об этом многие знают.

— И всякие детали, вроде той, что начальницу гимназии звали Зинаидой Георгиевной?

— Поскольку ее интересовало мещанское прошлое Таганрога и поскольку я сама училась в местной гимназии, я и об этом ей рассказала.

— Но ведь она говорит, что тоже училась в местной гимназии и жила тут возле монастырского подворья, — она же сама должна все это знать!

— Кто жил возле монастырского подворья? — недоуменно посмотрела на меня женщина. — Из наших гимназисток того времени возле монастырского подворья жила, насколько я помню, Люда Калмыкова, что потом так неудачно вышла замуж за Камбурули, но она, бедняжка, давно скончалась в Ялте.

— Так, значит, эта женщина — не Люда Калмыкова?

— Я же вам сказала, что Люда умерла.

— Послушайте, я очень вас прошу, никому не рассказывайте о нашей встрече! И вообще считайте эту гражданку по-прежнему журналисткой...

— Но разве она не журналистка? — воззрилась на меня женщина.

Я оставил ее в полной растерянности.

ПОДДЕЛКА ИЛИ НЕ ПОДДЕЛКА?

И вот мы опять на морском берегу — Геннадий, Гриша и я. Но море уже не то: волны налетают на берег, обдают нас холодными

брызгами и, шипя, откатываются назад, смутно белея пеной в тяжелом темном пространстве. (Фу, до чего мне трудно пейзаж дается!)

Когда я во всех подробностях отчитался перед приятелями, Гриша сказал:

— Смелая бабочка! Вытащила из повести часы — и продает.

— Так она и воротник продаст, — предположил Геннадий.

— Какой воротник? — не понял я.

— А который «морозной пылью серебрится», бобровый, Евгения Онегина.

— Вы думаете, часы Мериме — подделка?

— Безусловно! — в один голос воскликнули Геннадий и Гриша.

— Но ведь Евгений Онегин — лицо вымышленное, а Мериме — факт. И о часах он сам написал, сам!

— Мало ли что писатель напишет, — скептически сказал Геннадий. — Если инженер пишет о реактивном самолете, то тут все выверено: наврешь — и сверзишься на землю, костей не соберешь. А поди узнай, бобровый был у Онегина воротник или каракулевый. Вот даже твой доцент не знает, были у Мериме часы или нет.

— А все-таки надо доказать, что часы — липа. Без этого как ее арестуешь? — задумчиво сказал Гриша. — Что она часы продает — это ее дело, ни под какую статью не подведешь. Что называет себя Людой — тоже ничего еще не значит. Пошутила — и только, а прописалась, может быть, и правильно. Что волосы по-

красила — так если задерживать всех, которые волосы красят, в милиции им и места не хватит.

— Но как доказать, что часы — подделка? — теряя терпение, воскликнул я.

— Как? — Гриша подумал. — Поезжай-ка ты, брат, в Ростов, в библиотеку, и проверь насчет сходства подписи. Да заодно походи по часовым мастерским, по граверням, не обращался ли к ним кто с таким заказом — подпись выравировать. А ты, Геннадий, езжай в Новочеркасск: может, она там эту операцию проделала. Я же тем временем свяжусь с кем следует в горотделе милиции и тоже похожу по мастерским, хотя мало вероятности, чтоб она рискнула на месте подделать. Ну и за твоей тетушкой наблюдаю малость.

— Мне бы, конечно, съездить в Новочеркасск не мешало, — с ноткой сожаления сказал Геннадий, — да вот беда — завтра мой реферат обсуждается. Придется сестре поручить — она бойкая. Сегодня что у нас? Пятница? Как раз в Политехническом сейчас у них студком заседает. Позвоним — и все тут.

Мы отправились на междугородную.

Соединили нас с Новочеркасском быстро, но слышимость была отвратительная. Надрываясь, я кричал:

— Дина, это говорю я, Яша!..

— Какая каша? — будто из Антарктики доносился голос Дины.

— Да не каша, а Яша!.. Копнигора!..

— Что? Идти пора? Куда идти пора?..

Геннадий вырвал у меня трубку и заорал:

— Девушка, соедините как следует!..

Послышался какой-то звон, гул, и я совершенно ясно услышал голос Дины:

— Какой дурак разыгрывает меня!..

Я обрадованно ответил:

— Да это ж я, Яков. Ты меня слышишь?

Узнав, чего мы от нее хотим, Дина сказала:

— Если вы это всерьез, я сделаю. Звоните мне завтра в шестнадцать.

ПОДДЕЛКА

На рассвете я отправился на мотоцикле в Ростов. В читальном зале библиотеки еще было пусто, когда я вошел туда и попросил книгу Виноградова. В книгу были вклеены десятки фотокопий писем Мериме к Соболевскому с подписями автора. В одном письме стояло *Pr. Mérimée*, в другом *P. Mérimée*, в одной подписи остроконечный *accent* падал на «е», в другом он небрежно склонялся к согласной «т», но в основном подписи были все одинаковы и удивительно напоминали подпись, сделанную на часах. «Подделка или не подделка?» — думая я о брежете, рассматривая подписи. И вдруг замечаю, что одно письмо аккуратненько подрезано снизу, как раз там, где по смыслу должна следовать подпись. Та-ак! Кому-то факсимиле понадобилось... Иду к библиотекарьше, спрашиваю:

— Скажите, пожалуйста, не помните ли вы, кто до меня брал у вас эту книгу?

— Господи! Да ее у нас каждый день читает по несколько человек.

— А не брала ли ее у вас недели три назад крашенная женщина с кошачьими глазами?

— Оставьте ваши шутки при себе, — говорит библиотекарьша и хочет отобрать у меня книгу.

Но я не дал, пошел опять к столу и принялся читать. Все-таки, думаю, пригодится, если и впрямь придется писать реферат о Мериме. Читаю, делаю выписки и натыкаюсь на следующий абзац, относящийся к истории дружбы писателя с графиней Монтихо, этой «умной и талантливой женщиной, в жилах которой вместе с испанской кровью текла кровь упорных шотландцев и веселых валлонов»:

«Именно ей был обязан Мериме рассказом о приключении на сигарной фабрике, которое в 1845 году было им обработано в неподражаемую повесть «Кармен».

Так вот что оказывается! Мериме так же встречался с цыганкой Кармен и ее возлюбленным Хосе, как Лермонтов с Тамарой и Демоном. Какие могут быть часы! Просто великолепная писательская выдумка.

— Ура! — крикнул я от радости и сейчас же услышал голос библиотекарши:

— Гражданин, ведите себя прилично, иначе попросим вас выйти.

— Не беспокойтесь, — сказал я. — Сам уйду. Вот только скопирую подпись Мериме.

Затем сажусь на мотоцикл и начинаю объезжать часовые мастерские. Действую хитренько: «Скажите, — спрашиваю, — вы не смогли бы выгравировать на моих часах подпись Мериме?» «Чего-чего?» — обычно не понимает гравер. Я показываю снятую мной копию и внимательно смотрю в лицо гравера. Нет, ничего по-

дозрительного не замечаю, хотя передо мной вот уже тринадцатый правер...

Шестнадцать часов. Еду на междугородную и вызываю Дину:

— Дина, привет! Ну что?

— Ах, да вы меня с Геннадием замучили! Обошла все мастерские — никто понятия не имеет о Мериме. Только в одной мастерской сказали, что какой-то старик приносил золотые часы с боем, чтобы переделать завод головкой на завод ключом.

— Вот как! Это подозрительно, — сказал я, вспомнив, что на столе у тети лежали часы именно с ключом.

— Мастер сказал, что такого случая еще не было: обыкновенно делают наоборот — завод ключом заменяют заводом головкой. А ключом карманные часы заводили в старину.

— А как он выглядел, старик тот?

— Ну, я не спрашивала.

— А на какой улице мастерская?

— На Подтелковском проспекте.

— Всё... Ты по мне скучаешь?

— А, иди ты!

С междугородной еду к поэту.

Дверь полуоткрывает он сам и со страданием говорит:

— Слушайте, я же вам сказал: уезжаю в Москву. — Потом прищуривается и восклицает: — Как, это вы? Бесконечно рад! Дорогой мой, да ведь ваша тетушка на редкость даровитая переводчица. Ей-богу! Не чета многим, которые ходят в членах Союза десять лет. Я читал рукопись и наслаждался: так угадать эпоху, так проникнуться настроением поэта и

так все это передать в словах чужого языка!..
Короче: рукопись с моим заключением
я переслал в Москву, в Союз писателей. Сегод-
ня я сам лечу туда. Архаровцы уже два года
маринуют мою книжку в одном издательстве.
Ну да от меня не так легко отбиться... Приле-
чу — и сейчас же в Союз. Буду подталкивать
дело вашей тетушки со всем пылом шести-
десятичетырехлетнего юноши!..

Ростов — большой город, нелегко объехать
все его часовые мастерские. Удача пришла ко
мне уже к вечеру. В одной из мастерских, не-
подалеку от Сельмаша, гравёр, молодой парень
с задорно вздернутым носом, ответил на мой
вопрос:

— И что за мода пошла на Мериме? Не-
давно одна старуха приходила, теперь ты
явился.

Я вынул листок и показал ему:

— Это правировал старухе?

— Это самое.

— А у старухи глаза кошачьи?

— Я старухам в глаза не заглядываю.

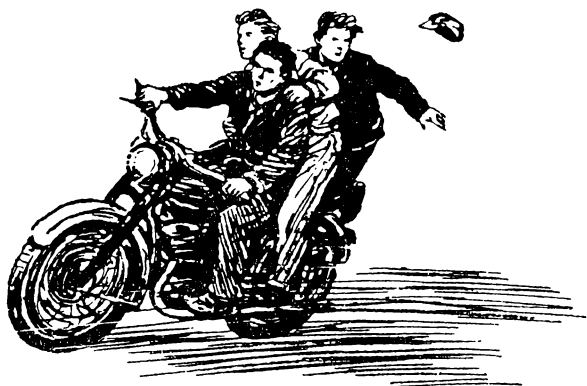
— Но все-таки физиономия несимпатичная?

— Бывают хуже, но редко.

— Всё, — сказал я и выбежал из мастер-
ской.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Таганрог я мчался на предельной скоро-
сти — и все-таки приехал, когда на небе уже
высыпали звезды. В темноте еле заметил Ген-
надия и Гришу: они стояли на шоссе при
въезде в город и энергично махали мне ру-
ками.

— Что случилось? — спросил я, соскакивая с мотоцикла.

— Тетя твоя сегодня забрала облигацию из сберкассы...

— Забрала?!

— На моих глазах, — сказал Гриша. — Я ведь ее с утра не упускал из виду. Говори скорей, что ты узнал о часах.

— Липа. В Новочеркасске переделали завод головкой на старинный завод ключом, в Ростове, около Сельмаша, выцарапали подпись. А Мериме даже не видел никогда ни Кармен, ни Хосе.

— Эх, — укоризненно сказал Гриша, — вот так насочиняют, а потом распутывай. Газуй к тетке!

Как они вдвоем поместились на багажнике, понятия не имею, но привез я обоих.

Во флигелек мы не вошли, а буквально ворвались.

Вбежали в гостиную — и застыли: за столом, с очками на тонком носу, с торжественным выражением на лице, сидела тетушка и что-то писала на большом листе бумаги, а на столе лежали золотые часы...

— Тетя! — крикнул я, опомнившись. — Что вы наделали! Вы отдали облигацию?!

— Бррррому! — заорал попугай, но Гриша на него так цыкнул, что он шарахнулся в угол клетки.

Тетушка поднялась и окинула меня торжественно снисходительным взглядом.

— Ничего я, друг мой, не наделала. Я только восстановила нарушенную справедливость. У меня в сундуке сохранился еще лист глянцевиной плотной бумаги — министерской она раньше называлась, — вот на ней я и написала свое заявление. На, прочти. Теперь это не тайна.

Я схватил лист и дрожащим голосом прочитал:

В ТАГАНРОГСКИЙ ГОРСОВЕТ

Пенсионерки Чернобаевой, проживающей... (и так далее).

Заявление

Я случайно приобрела часы, принадлежавшие знаменитому французскому писателю Просперу Мериме. Они были украдены из музея фашистами во время оккупации Парижа. В знак любви к французскому классическому и уважения советских

людей к французскому народу прошу
переслать эти часы во Францию.

Наталья Чернобаева.

— Тетя! — воскликнул я, прочитав это заявление. — Я горжусь вами! Вы...

— Хватит изъясняться, — прервал меня Геннадий, не терпевший чувствительных слов. — Где зеленая?

— Какая зеленая? — не поняла тетушка.

— Ну, эта самая, что продала вам часы.

— Ах, Людмила Павловна? Она меня больше не интересуется. Пустая женщина. Я принимала ее только потому, что хотела приобрести часы.

— Но нас она интересуется! — внушительно сказал Гриша. — Где она? Говорите скорей, пожалуйста.

— Да не знаю же я!... С час назад была здесь... Наверно, домой пошла, в Спартаковский.

— А номер? Номер вы знаете?

— Ну конечно. Номер тринадцатый.

Как по команде, мы бросились к двери.

СКАЛЫ СЕРОГО

В Спартаковском переулке, в маленьком дворике, на наш стук из двери высунулась коротконогая, очень толстая женщина и, не дожидаясь вопросов, быстро сказала:

— Не сдастся, не сдастся комната! Уже занята. И чего бы это я так тарабанила в дверь!..

— Нам ваша комната не нужна. Нам нужна Людмила Павловна, — перебил я. — Дома она?

— Никакой тут Людмилы Павловны нет и не было, — с досадой ответила женщина и хотела захлопнуть дверь, но Гриша помешал ей, крепко ухватившись за ручку.

— А кто ж есть? — спросил он.

— То есть как это — кто?

— Я спрашиваю, как зовут женщину с крашеными волосами и...

— ...и кошачьими глазами, — подсказал я.

— ...и кошачьими глазами, что живет у вас.

— А, Евгения Петровна! Так она уже не живет здесь. Вот только что, и пяти минут не прошло, как отъехали оба.

— Кто — оба?.. На чем отъехали?.. Куда отъехали?.. — посыпались вопросы.

— Подождите! — сказала женщина. — По порядку. Оба — значит, с мужем своим, с Валерием Николаевичем. А то с кем же еще! На чем отъехали? На такси. Извозчики уже двадцать лет как перевелись. Куда? А я откуда знаю? Говорили, в Жданово, а там кто их разберет. Да вы не из угрозыска ли?..

— Вроде, — сказал Гриша.

— Я так и поняла. Самовар ищите? У ней, у ней! Как только она его притащила, так я и сказала про себя: краденый! Уж очень у нее личная наружность нерасполагающая.

— Жданово — это для отвода глаз, — решительно заявил Гриша. — На Жданово дорогу развезло, ни один шофер не рискнет ехать.

От нашего тупика только одна сейчас дорога: на Ростов.

— На Ростов! — сказали и мы с Геннадием.

— На Ростов, конечно! — подхватила толстуха, заколыхавшись вся, как холодец. — Там все жулики прячутся. Народу тьма-тьмущая, так они между народом — как иголки в сене.

— Газуйте на Ростовское шоссе, — приказал нам Гриша. — А я заскочу в горотдел — и следом за вами.

И вот мы на шоссе. Летим, «будто мучителей-бесов погоню слышим за собой». Куда-то унесло наши кепки, ветер свистит в ушах, мелкие камешки вырываются из-под колес и обстреливают наши руки и лицо. Мы обогнали шесть грузовиков, два «Москвича» и один мотоцикл. На двенадцатом километре чуть не столкнулись с арбой, на восемнадцатом чуть не врезались в подводу с кирпичом, на двадцать первом пересекли широкую лужу, обдавшую нас веером жидкой грязи... А впереди все светятся красные глазки мчащихся машин. Подъем, спуск, опять подъем, опять спуск — и вот мы рядом с «Победой». В полутемном кузове трясутся, подпрыгивают две фигуры.

— Она!.. — вскрикивает Геннадий. — Газуй!.. Газуй!..

С километр абсолютно безумной гонки — и мы ставим свой мотоцикл поперек шоссе.

Вслед за тем наши уши раздрают страшный свист и скрежет: это водитель с проклятиями тормозит машину.

Мы бросаемся к «Победе», но водитель, вытащив из-под ног ключ, кричит:

— Только подойдите, бандюги, — головы проломаю!..

— Бей их!.. — орет зеленая из кузова.

— Бей их!.. — верещит еще чей-то козлиный голос.

— Мы не бандиты!.. Мы не бандиты!.. — в свою очередь кричим мы водителю. — Бандиты в машине! Держи их!..

И тут началась такая кутерьма, которую я по своей неопытности описать не в состоянии.

Скажу только, что когда я вытащил из машины отчаянно сопротивлявшуюся серую косящую фигуру, то весь затрясся от негодования: передо мной был тот самый старик, который напоил меня в «Волне». Воспользовав-

шись моим минутным замешательством, он изловчился и так двинул меня в ухо костлявым кулаком, что в моих глазах земля и небо поменялись местами.

«Держись!» — крикнул я, падая.

Подбодрив себя этим возгласом, я вскочил и, пытаясь задержать убежавшего старика, ухватил его за длинные волосы. Но он рванулся, и я почувствовал, что в моей руке осталась вся его шевелюра. Блеснув под фарой оголенным черепом, старик заверещал и бросился в кусты.

Меж тем Геннадий ловил зеленую, а она, отбиваясь, бегала вокруг машины и злобно шипела: «Не смей, подлец, глаза выцарапаю!...»

Я бросился к Геннадию на помощь. Но тут нас всех осветили яркие фары. Из подкатив-

шей машины выскочили Гриша и три милиционера.

— Где облигация? — закричал Гриша. — Отберите облигацию, а то она ее проглотит... В чулке ищите, в чулке!.. Эти карменихи деньги всегда в чулок прячут!..

Действительно, облигацию нашли в чулке. Когда его снимали, зеленая игриво сказала:

— Осторожней, ребята, это импортные, я за них тридцать два рубля заплатила...

— А старик?.. Где старик?.. — вспомнил Геннадий.

— Не беспокойся, — сказал я с достоинством, — вот его скальп, у меня в руке. А без скальпа человек далеко уйти не может, я об этом еще у Фенимора Купера читал.

Геннадий взял у меня мой победный трофей, пощупал и с досадой сказал:

— У Фенимора Купера! Скальп! И чем только эти словесники не набивают себе головы! Парик это, а не скальп!..

Старика поймали в полукилометре от шоссе. Когда его привели к машине, он потер лысину ладонью и сказал:

— Однако прохладно. Верните-ка, молодой человек, мою покрывку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зеленая и старик оказались авантюристами-рецидивистами «с литературным уклоном». Из тюрьмы их выпустили только год назад. За это время они в Туле продали «охотничьи сапоги Тургенева», в Казани — чучело утки, «подстре-

ленной самим Аксаковым», а в Кишиневе — «две трубки Ильи Эренбурга».

У тетушки они хотели выудить ее «уникумы» в обмен на разные подделки, но, узнав из моей болтовни о двадцати пяти тысячах, затеяли новую аферу.

Тетушке вернули облигацию и самовар. Что делать с деньгами, она еще не решила.

Недавно пришло письмо из Москвы, напечатанное на бланке Союза писателей. Тетушку приглашают приехать для переговоров.

Земной шар тетушка передала Краеведческому музею. Когда я спросил, не жалко ли ей расставаться с ним, она сказала:

— У меня же теперь вся вселенная!

На днях Дина опять привозила Геннадия пирожки, а мне подарила только что вышедший том Пушкинского словаря.

— Дина, — сказал я, принимая книгу, — я учту все, что здесь содержится, и оправдаю твое...

— Да говори же своими словами!.. — воскликнула она. — Не подражай тетушкиному попугаю. Говори, как говорил всю жизнь Пушкин!

— Своими? Изволь! — решительно ответил я. — Дина, я люблю тебя и чертовски рад этому. Я чувствую, как под влиянием этой любви я делаюсь умней, энергичней, смелей и... как бы это сказать своими словами... выше ростом! На всю ноябрьскую стипендию я накоплю хризантем и подарю их твоей маме!..

— Ма-аме?!

— Да, маме, именно маме!.. За то, что она родила тебя!..

У Гриши образовалась уже целая библиотечка. Как умею, я руковожу его чтением. Теперь он уже не возмущается тем, что писатели присочиняют: сказка ложь, да в ней намек — добрым молодцам урок.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Я еду в Таганрог	3
Знакомство с тетушкой	8
Красный шкаф	16
Двадцать пять тысяч	23
Первая неудача	25
Серый старик	32
Новые неприятности	37
Шумный визит. Письмо	43
Голоса из кабинки	50
Принципиальный вопрос	54
У писателей	60
«Кармен»	63
Брегет	69
Счастливая встреча	74
Подделка или не подделка?	78
Подделка	81
Заявление	84
Скальп серого	87
Заключение	92

Василенко Иван Дмитриевич

ЧАСЫ МЕРИМЕ

Редактор *В. М. Острогорский*

Тех. редактор *Н. С. Остриров*

А 7005. Сдано в набор 7/V 1957 г.

Подписано к печати 7/VIII.

Формат бумаги 70 × 92¹/₃₂—3,51 п. л.

В 1 п. л. 39,500 зн. Уч.-изд. л. 3,46.

Уч. № 110/3730.

Тираж 90.000 (1-й завод 1—50 000).

Цена 2 р. 55 к.

Набрано в типографии
Трудрезервиздата, Москва,

Хохловский пер. д. 7.

Отпечатано в 1-й типографии
Медгиза, Москва, Ногатинское
шоссе, д. 1, Заказ 550

Моя 2 р. 55 к.